

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Алиева Камилла Абдулаевна

Средства выражения видовых значений в древнеуйгурском языке

Направление: «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: Тюркская филология)

Научный руководитель:

к.ф.н. Телицин Н.Н.

Рецензент:

к.и.н. Рыкин П. О.

Санкт-Петербург

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ:	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I: Теоретические основы исследования	16
ГЛАВА II: Разбор обнаруженных в памятнике примеров средств выражения видовых значений	39
1. Аналитические формы: модель: «CVB + AUX»	39
1.1. Форма -a+ AUX	39
1.1.1. Форма -a <i>bar</i> -	39
1.1.2. Форма -a <i>jarliqa</i> -	40
1.1.3. Форма -a <i>jori</i> -	41
1.1.4. Форма -a <i>ked</i> -	41
1.1.5. Форма -a <i>kel</i> -	42
1.1.6. Форма -a <i>tegin</i> -	43
1.1.7. Форма -a <i>tur</i> -	43
1.1.8. Форма -a <i>tut</i> -	44
1.1.9. Форма -a <i>tükä</i> - ~ -a <i>tükät</i> -	44
1.1.10. Форма -a <i>uma</i> -	45
1.2. Форма по -p/pan + AUX	46
1.2.1. Форма -p <i>bar</i> -	46
1.2.2. Форма -p <i>ilt</i> -	47
1.2.3. Форма -p <i>olur</i> -	48
1.2.4. Форма -p <i>qal</i> -	48
1.2.5. Форма -p <i>tur</i> -	49
2. Перифрастические формы: модель «PTCP/SAF + AUX»	49
2.1. Форма - <i>mış</i> + <i>bol</i> -	49
2.2. Форма - <i>taçı</i> <i>bol</i> -	50
2.3. Форма - <i>maz</i> <i>bol</i> -	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:	54
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	57

ПРЕДИСЛОВИЕ

В работе рассматриваются словоизменительные глагольные формы древнеуйгурского языка, передающие различные видовые значения. Основным источником, привлекаемым для иллюстрирования исследования, является рукописный памятник древнеуйгурского языка XI в. «Уйгурская версия биографии Сюань-цзана», также цитируются другие памятники древнеуйгурского языка, датируемые ориентировочно VII-XIII в.: фрагменты биографии Сюань-цзана, опубликованные на сайте VATEC¹, «Покаянная молитва манихеев», *Suvarnapraphasa Sutra* (сутра «Золотой блеск»), «Поклонение волхвов» и др.

Под древнеуйгурским языком понимается совокупность диалектных вариантов, широко распространенных среди древнеуйгурских племен, проживавших на территории, традиционно называемой *Восточный Туркестан*. О древнеуйгурском языке можно говорить как о самостоятельном, и выделять его среди древнетюркских языков, поскольку древние уйгуры представляли собой этнически более ли менее однородную социально-культурную общность племен, говорящих на одном языке², который отличается, например, от языка древнетюркских рунических памятников. Однако относительная этническая монолитность не позволяет говорить об абсолютной однородности языка, поскольку весьма вероятно существовали диалектных вариантов древнеуйгурского языка.

Целью настоящей работы является определение способов выражения видовых значений глагола в древнеуйгурском языке.

Для достижения поставленной цели предпринимается выполнение следующих задач:

1. Проведение обзора по истории изучения уйгурской версии биографии Сюань-цзана, а также проведение литературного анализа исследуемого произведения. Проведение подробного описания памятника, содержащего в себе исторические, лингвистические характеристики, а также вопрос «авторства» памятника.
2. Формирование теоретической базы, на основе которой будет проводиться исследование. Планируется рассмотреть общие лингвистические понятия, относящиеся к исследуемому вопросу.

¹ <http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>

² См. по: Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности//Вестн.. С.-Петерб.ун-та. Сер. 13, 2010. Вып. 1. С. 84-87.

3. Анализ обнаруженного фактического материала памятника, в т. ч. выявление распределение найденных глагольных форм по функционально-семантическому принципу.

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе в качестве основного материала исследования взято произведение раннесредневековой тюркской литературы - *Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана*, которая представляет собой перевод сочинения «*Жизнеописание наставника в законе при великой династии Тан, /хранителя/ трёх сокровищ из обители Дацзынь*» с китайского на уйгурский язык. «Биография» в целом была подготовлена учениками буддийского монаха Сюань-цзана, а именно: Хуэй-ли, а затем Янь-Цзуном и получило название «*Жизнеописание наставника в законе при великой династии Тан, /хранителя/ трёх сокровищ из обители Дацзынь*»³(далее «Жизнеописание...» - КА).

Обращаясь к оригинальному сочинению, представляется, что по жанровой принадлежности «Жизнеописание...» напоминает агиографию⁴, что объясняется композиционной структурой произведения. Однако существует мнение, согласно которому исследуемое сочинение жанрово неоднородно. «Жизнеописание...» определяют, как эпическое повествование с использованием разных стилистических элементов, которые делают некоторые повествование более нормативными по стилю, или, наоборот, более экспрессивным⁵, что нашло своё отражение и в уйгурском переводе⁶.

По структуре оригинальное сочинение состоит из 10 разделов: 5 разделов содержат информацию о путешествии Сюань-цзана в Индию, т.е. в основу легло произведение, написанное Сюань-цзаном, «Записки о западном крае, [составленные в правление] великой [династии] Тан», другие 5 разделов посвящены рассказу о его жизни после совершенного путешествия⁷. Также в сочинении содержится информация о семье, о детстве и юношестве Сюань-цзана. Произведение несет особую историческую ценность, поскольку в повествовании автор прибегает к фольклорному материалу, религиозно-философской концепции буддизма, приводит выдержки из писем, реплики из диалогов, что, безусловно, отражает жанрово-стилистические особенности, присущие китайской литературе⁸. В разделах, посвященным путешествию, автор (т.е. Сюань-цзан) очень точен в названии

³ По другим сведениям: «Жизнеописание наставника в Трипитаке монастыря Великое Милосердие эпохи Великой Тан» («Да Тан Да Ци-энь сы сань-цзан фа-ши чжуань») - См. по Сюань-цзан Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Сюань-цзан ; введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой ; Ин-т востоковедения РАН. –М. : Вост. лит., 2012. С. 7.; Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана(фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). –М.: Наука, 1991. С. 8.

⁴ Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан. С.7.

⁵ Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. –М.:Наука, 1980. С. 7-8.

⁶ Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С. 13-17.

⁷ Там же. С.8.

⁸ См. по: Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана.С.14.

географических объектов, специальных терминов и в названии упомянутых им буддийских сочинений. Большое внимание автор уделяет легендам и мифам, распространенным среди народов Средней Азии и на которые он часто ссылается. Более того, сочинение изобилует богатым иллюстративным материалом, сообщая сведения о формах общения и правилах поведения, принятых в описываемую эпоху⁹. «Жизнеописание...» также можно считать ценнейшим источником по географии, этнографии, истории и культуре описываемого региона, поскольку произведение отличается обилием фактического материала.

Интерес к китайскому сочинению- биографии Сюань-цзана появился в XIX в., когда впервые были обнаружены несколько разрозненных фрагментов рукописи. В первой половине XIX в. с «Жизнеописанием...» стал работать ученый- востоковед Г.Ю. Клапрот, а вслед за ним и ученый- востоковед по фамилии Абель-Ремюза, которые предприняли попытку перевести с китайского языка найденные фрагменты рукописи, однако серьезным препятствием для перевода стало отсутствие полного текста рукописи. В 1840-х г. переводом «Жизнеописания...» занялся С.Н. Жюльен (1799–1873), французский китаевед, впоследствии опубликовавший труд «История жизни Сюань-цзана и его путешествий в Индию» на французском языке. Работа С.Н. Жюльена сопровождалась составлением санскритско-китайского и китайско-санскритского словарей, а также словарь индийских названий буддийских сочинений и их китайских эквивалентов. Как отмечает, С.Н. Жюльен, одной из основных черт произведения является то, что оно написано сложным языком, отошедшим от норм общепринятого китайского языка.

Немаловажную роль в исследовании «Жизнеописания...» сыграл перевод на английский язык, который был подготовлен С. Билом в 1884 г. Также известен еще один перевод «Жизнеописания...» на английский язык, выполненный Ли Юн-си в 1959 г.¹⁰

«Жизнеописание...» вызвало бурный интерес среди востоковедов, не только благодаря своей лингво-этнографической ценности, но благодаря исторической неординарной личности, которому это произведение посвящено. Сюань-цзан вошел в историю как один из самых влиятельных китайских миссионеров, проповедников, распространявших буддийское учение за пределами Китайской империи. Сюань-цзан сыграл огромную роль в истории становления китайской буддийской школы фасынь (вэйши), поскольку является её основателем, а также внёс огромный вклад в общемировую историю, оставив после себя

⁹ Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С. 9-10.

¹⁰ См. по: Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С. 9; Хенниг Р. Неведомые земли/-пер.с нем.яз.:Е.К. Краснокутская, А.Д. Райхштейн. II том. –М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С.103-104.

книги, представляющие собой ценнейшие источники по истории, этнографии, географии и культуре народов, населяющих Среднеазиатский регион и Индию. До наших времен дошли следующие произведения Сюань-цзана, которые представляют огромный интерес для исторических и лингвистических исследований, а именно: «Записки о западном крае, [составленные в правление] великой [династии] Тан», написанные после путешествия Сюань-цзана в Индию в 629-645 г., а также огромное количество переведенных буддийских текстов и трактатов.

Сюань-цзан по праву считается выдающейся личностью, посвятившей свою жизнь поиску знания, истины, познанию мира и самопознанию. Сюань-цзан родился в 603 г. (по другим источникам в 600 г.¹¹) во время правления династии Суй (581-618). Согласно «Биографии» Сюань-цзан родился в г. Чэньлю¹² провинции Хунань. Он происходил из старинного и уважаемого китайского рода. Сюань-цзан будучи подростком увлекся религиозной философией и стал послушником монастыря г. Лоянь, где жил его старший брат. В течение нескольких лет Сюань-цзан получал новые знания по философии буддизма и проходил обучение у буддийских монахов. Однако, когда в Китае к власти пришла новая династия, а именно династия Тан (618-907), центром религиозной жизни стал г. Сычуань, куда Сюань-цзан переехал вместе с братом. Сюань-цзан в 20 лет принял монашеский обет и объехал большое количество китайских монастырей в поисках нового знания и возможностей совершенствования. Став монахом, Сюань-цзан занимался изучением абхидхармы¹³, и начал самостоятельную проповедническую и переводческую деятельность. Спустя некоторое время Сюань-цзан принял решение отправиться в Индию, по его мнению, в края, где он сможет найти ответы на мучившие его вопросы. Несмотря на то, что китайский император наложил запрет на выезд за пределы империи, Сюань-цзан предпринял путешествие в Индию, описание которого изложено в его книге «Записки о западном крае, [составленные в правление] великой [династии] Тан»¹⁴, которая вошла в состав «Жизнеописания...».

Путешествие в Индию было обусловлено стремлением Сюань-цзана приобрести как можно больше знаний о буддизме и избрать для себя те религиозно-философские принципы, которые бы не вызывали у него противоречий, что объяснялось

¹¹ Сюань-цзан Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан. С. 6.

¹² По другим источникам, в Коуши

¹³ Доктринальный раздел буддийского канона

¹⁴ См. по: Ленков П. Д. Философия сознания в Китае: буддийская школа фасян (вэйши). –СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С.59-70; Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан.С.6-10; Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С. 4-5.

несовершенством образования, полученного в Китае. По этой причине, Сюань-цзан отправился за поиском истины в страну буддизма-Индию. Подробное описание его маршрута нашло отражение в упомянутых «Записках о западном крае...»(далее «Записки»). С точки зрения китайцев, под «западным краем, или западными странами» понимались территории культурных центров Среднеазиатского региона, а именно Согдийского и Бактрийского царств, территории современного Синьцзяна, и территории Северо-Западной Индии¹⁵.

Путь, проходящий через культурные центры Средней Азии и Восточного Туркестана, связывал Китайскую империю с совершенно иными культурными общностями. Взаимодействие культур было обусловлено формированием Шелкового пути, что обеспечило плодотворное и регулярное сотрудничество разных народов. Шелковый путь имел не только особое экономическое значение, но также и культурное, поскольку он служил одним из основных путей распространения новых учений и верований. Странствующие монахи осуществляли свои миссии, следуя маршруту Шелкового пути. Важные пункты маршрута проходили через Среднюю Азию, где мощным политическим актором постепенно становилась Кушанская империя, распространившая свое влияние не только в Средней Азии, но и Северо-Западной Индии. Становление и развитие Кушанской империи связывается с расцветом буддизма в этих краях и его активным распространением в соседних районах. Резко возросло число миссионеров, проповедующих основы буддийского учения, а также началось активное строительство буддийских монастырей в Среднеазиатском регионе и в Индии. Странствующие монахи прокладывали себе путь, посещая монастыри, в Индии, затем в Бамиане, Балхе, Термезе и в Средней Азии, а затем - в Китае¹⁶. Именно таким образом буддизм пришел в Китай примерно в I в. н.э. Китайский буддизм на начальном этапе своего развития был сопряжен с индийским, поэтому огромное количество паломников из Китая отправлялись в Индию за знанием, следуя тем маршрутам, по которым буддизм пришел в Китай: через Западный Край (либо через Хотан и горные перевалы Гиндукуша, либо через северную часть Синьцзяна, Среднюю Азию и территорию современного Афганистана¹⁷). Путешествие монаха Сюань-цзана основывалось на традиционном маршруте: он начал свое путешествие с Синьцзяна, Куча и Аксу, продолжил свой путь, перейдя Тянь-Шань и достигнув о. Иссык-Куль, и затем дошел до р. Талас. Сюань-цзан имел своей целью посетить буддийские святыни и места действий

¹⁵ Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан. С.4-5.

¹⁶ Там же. С.4.

¹⁷ Там же. С.6.

буддийских преданий, поэтому он через Ферганскую долину направился в Самарканд, Термез и древний Балх, а затем посетил святыни в Бамиане и Каписе, и отправился в Индию, где совершил длительное путешествие по полуострову Индостан. Сюань-цзан побывал в Кашмире и совершил путешествие по долине Ганги, поскольку здесь располагались главные сакральные места буддизма. Сюань-цзан обучался в течение нескольких лет в монастырях Наланды. Странствующий монах посетил наиболее значимые для буддистов места, а именно: место рождения Будды, монастырь, в котором жил Будда, место паринирваны¹⁸, место первой проповеди. Также он увидел дерево бодхи («просветления») и посетил древнюю столицу Магадхи. После путешествия по Внутренней Индии, Сюань-цзан отправляется в Бенгалию и, по не подтвержденным данным, в Непал¹⁹. Из Индии Сюань-цзан проложил себе путь домой через Инд, покинул Индию и совершил переход в Синьцзян через горы Памир. Сюань-цзан прошел через Газни, Андараб, Хост и Кундуз и отправился к верховьям Пянджа через Горный Бадахшан. Возвращению в Китай предшествовало посещение Хотана, который стал последним пунктом в его путешествии²⁰.

Во время своего долгого и насыщенного путешествия Сюань-цзан собирает сведения о местности, народах, их образе жизни, делает заметки о культурных особенностях древних обществ, знакомится с иными верованиями, в т.ч. с брахманизмом, выступает в качестве посланника китайского императора. Однако наиболее важным остается его путь постижения буддизма, который выражен не только в его путешествии по наиболее значимым буддийским местам, но и в беседах с монахами, в полемике, в поиске и собирании буддийских текстов и переводов, среди которых большое количество сутр, шастр и канонических текстов разных школ, которые он, ко всем прочему, он привез в Китай вместе с ценными статуями и частицами мощей Будды²¹. Китайский император Тайцзун (598-649) в знак благодарности Сюань-цзану за проделанную дипломатическую работу, а также за добычу ценных сведений пожаловал ему монастырь Хунфу-сы, а в дальнейшем монастырь Цыэнь-сы, где была построена пагода, в которой хранились тексты, привезенные из Индии²².

¹⁸ Состояние просветления, при котором буддист выходит за пределы цепи перерождений и разрушение всех физических и умственных скандх, и больше не возвращается в мир людей. - См. по: Жуковская Н.Л., Корнев В.И. Буддизм. Словарь. -М.: Республика, 1992. С.76.; Леонтьева Е. Путеводитель по буддизму. Иллюстрированная энциклопедия.- Litres, 2017. С.36.

¹⁹ Сюань-цзан Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан.С.7-12.

²⁰ Там же. С.13.

²¹ Там же.

²² Ленков П. Д. Философия сознания в Китае: буддийская школа фасян (вэйши). С.69-70.

После своего путешествия в Западный край Сюань-Цзан приобрел авторитет мудрого наставника, красноречивого проповедника, искусного переводчика буддийских текстов, поскольку именно он разработал принципы переводческой деятельности, основанной на стремлении сохранить семантику санскритских текстов и отразить ее в переводе на простом и ясным по стилю китайском языке. Тем самым, Сюань-цзан заложил основы переводческой школы, которая имела много последователей, в т.ч. среди уйгурских монахов и послушников. В китайской историографии принято считать, что с появлением переводов Сюань-цзана в истории переводов буддийских текстов наступил качественно новый период, так называемый, *период новых переводов*. Сюань-цзан, как переводчик, выделился тем, что он предложил новые методы перевода. Среди них можно отметить: унификацию терминологии, нововведения в области транскрибирования санскритских понятий на китайский. Сюань-цзан вслед за некоторыми своими предшественниками отказался от широко распространенного метода *гэ-и*, т.е. перевода буддийских терминов понятиями китайской философии. Кроме того, до переводов Сюань-цзана тексты переводились с санскрита на китайский, затем на основе правил китайского языка и соблюдения порядка слов переводчики смешивали слова, и только затем упорядочивали фразы, что приводило к искажению смысла. Сюань-цзан, в свою очередь, переводил текст, толкуя и интерпретируя его²³.

После обучения в Индии Сюань-цзан создал в Китае религиозно-философскую школу, что в самом широком смысле означает ответвление или направление буддизма. Основным принципом функционирования такой «школы» является принцип наследования. В китайской терминологии встречается несколько понятий, обозначающих буддийские «секты», одни соответствуют индийскому буддизму, другие - китайскому²⁴. Школа китайского буддизма, основателем которой является Сюань-цзан, получила название Школа фасян (вэйши). Пройдя обучение в Индии, изучив буддизм Махаяны и разобравшись в споре между брахманистами и буддистами, Сюань-цзан считал важным определить круг необходимой образовательной литературы, которая стала бы основой учения и не вводила бы в противоречия. Пребывая в Индии, он понял, что большое количество текстов, жизненный и религиозный опыт учителей порождает разницу в восприятии буддийского учения и приводит к образованию множества течений и сект. Преследуя цель предоставить китайцам возможность изучать и постигать буддизм, Сюань-цзан создает собственную

²³ Ленков П.Д. Указ.соч. С.71-73.

²⁴ См. по: Ленков П.Д. Указ.соч. С. 77-79.

школу буддизма, основанную на философию литературы виджнянавады, вайбхашики²⁵ и логики. Сюань-цзан вместе со своим помощником и последователем по имени Куй-цзи разработали принципы Школы фасян (вэйши), составляющие основу учения. Основопологающим принципом школы является признание реальности существования отображений дхарм(доктрина, правило) в сознании и признание существования только внутреннего сознания²⁶.

Достижения Сюань-цзана и его учеников в развитии и становлении собственной религиозно-философской школы дали толчок к стремительному распространению буддизма за пределами Китайской империи, в особенности на тех территориях, которые были населены тюрками. Буддизм был воспринят уйгурами государства Кочо, располагавшемся в бассейне р. Тарим²⁷. Государство Кочо образовалось вследствие падения Уйгурского каганата под натиском кыргызов в 840 году²⁸. Основными путями проникновения буддизма в уйгурскую среду стали миссионерская деятельность буддийских монахов и активная переводческая деятельность. Одним из образцов освоения уйгурами буддизма и его истории является перевод «Жизнеописания...», подготовленный Сынгку Селитудуном (по другим источникам Сенгку Сели Тутунг²⁹, Шынгко Шели Тутунг³⁰), среди работ которого также известны переводы на уйгурский язык сутры «Суварнапрабхаса» и «Сахасракша». Имя переводчика «Жизнеописания...» известно, поскольку оно зафиксировано в колофоне рукописи³¹. В переводах Сынгку Селитудуна прослеживается влияние школы перевода Сюань-Цзана³². По мнению Л. Ю. Тугушевой, переводчику удалось соответствующим образом передать стилевые особенности сочинения на китайском языке, подобрав удачные эквиваленты на уйгурском языке. А также ему удалось с высокой точностью транскрибировать географические названия тех мест, в которых побывал Сюань-цзан и которые он описывал в своем сочинении. Несмотря на точность и качественность перевода с китайского на уйгурский, подготовленный Сынгку

²⁵ **Виджнянавада**, или йогачара (практика йоги), школа махаяны, стоящая на идеалистических позициях, отрицая внешнюю реальность и сводящая все элементы-дхармы к единому индивидуальному сознанию; **Вайбхашика** - школа, поддерживающая учение о перманентной реальности всех дхарм. - См. по: Жуковская Н.Л., Корнев В.И. Буддизм. Словарь. С.53, 84.

²⁶ См. по: Ленков П. Д. Философия сознания в Китае: буддийская школа фасян (вэйши). С. 80 - 109; Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHc978bd58b7cd4bf658b2c9> (дата обращения: 16.07.2017.)

²⁷ По Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. С. 3.

²⁸ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. - СПб.: Наука, 2006. С. 53.

²⁹ Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности. С. 88.

³⁰ Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С.11.

³¹ Там же.

³² Там же.

Селитудуном перевод «Биографии» принято считать одной из версий «Жизнеописания...», поскольку текст перевода сопровождается пояснениями, дополнениями и заметками, сделанными переводчиком и отсутствующими в оригинальном тексте³³.

С точки зрения литературного анализа, можно отметить, что «Уйгурская версия биографии Сюань-цзана» (далее «Биография») характеризуется тематической детерминированностью, следованием литературным канонам, доминирующим в раннесредневековой тюркской литературе, использованием средств художественной выразительности, стремлением копировать оригинальное произведение. Стихотворные вставки, встречающиеся в оригинальном произведении, переложены переводчиком на уйгурский язык. В уйгурской версии ритмическая организация поэтических фрагментов приближена к оригинальным в соответствии с правилами тюркского стихосложения³⁴. Формальные особенности оригинального произведения практически полностью отражены в переводе.

В целом, произведение является образцом раннесредневековой тюркской литературы, основанной на *эстетике тождества*, т.е. следовании установленным и принятым в культуре канонам, в результате которого возникают эстетические ценности, определяющие тип искусства³⁵. Уйгурскую версию «Биографии» можно считать представителем канонического искусства, поскольку исследуемое художественное произведение возникло вследствие ориентации на принятый канон, выполнения правил, предписаний, которые являются основными для раннесредневековой тюркской литературы.

Анализируя стиль языка «Биографии», можно отметить, что стиль языка перевода отражает индивидуальные особенности языка оригинального произведения, поскольку переводчик стремился максимально точно отразить особенности стиля Хуэй-ли и Янь-Цзуна, а частях, посвященных путешествию, особенности стиля Сюань-цзана. Переводчик прибег к использованию общепринятых стилевых штампов в тех частях «Биографии», которые посвящены буддийскому содержанию³⁶, поскольку такая мера позволяет упростить понимание философии буддизма. Что касается остальных частей произведения, которые в оригинале характеризуются вычурностью и витиеватостью стиля, в уйгурской версии претерпели также некоторые упрощения, содержат отступления от оригинального

³³Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С.11.

³⁴ Там же. С.12.

³⁵ Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс//Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. ст. —М., 1973. С. 16(16-22).

³⁶ Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С. 14.

текста, и в некоторых случаях Сынгку Селитудун прибегал к буквальному переводу. В тех частях «Биографии», которые посвящены непосредственно описанию маршрута путешествия Сюань-цзана, автор прибег к использованию простых синтаксических конструкций, относительно небольшого количества средств художественной выразительности, что в переводе было передано, в основном, синтаксическим параллелизмом, который делает повествование более ритмичным, и приемом инверсии для придания некой эмоциональности повествованию. Также для перевода характерно употребление фразеологизмов, семантика которых специфична и реализуется только в предложенном переводчиком контексте. Фразеологизмы добавляют языковому стилю выразительности. Уйгурская версия не уступает оригинальному произведению в стилевом многообразии и разнообразии употребления художественных средств, что не умаляет ценности переводного произведения³⁷.

В размышлениях о переводе, произведенным Сынгку Селитудуном, отмечаются некоторые трудности в передаче явлений, присущих китайской культуре и образу жизни и чуждых уйгурской. Также, принимая во внимание тот факт, что китайский язык и уйгурский язык относятся к разным морфологическим типам, переводчик в тех или иных случаях отходил от оригинальной структуры предложений и прибегал к приему сохранения семантики, выраженной за счет средств уйгурского языка. В переводе подбор понятий, соответствующих китайским, производился, согласно принятым культурным нормам уйгурской языковой общности. Сравнивая оригинал и перевод, можно отметить разницу в семантических зонах используемых лексем, что расширяет или, наоборот, в некоторых случаях, сужает область возможных смыслов³⁸. Переводчик интерпретирует оригинальный текст, а не переводит его. Уйгурскую «Биографии» можно считать носителем особенностей уйгурской языковой общности, с присущей ей системой ценностей, культурными и нравственными нормами. По этой причине, представляется корректным считать, что перевод является версией «Биографии», поскольку ориентирован на уйгурского читателя, носителя тюркской культуры, а не «сухим» переложением китайского произведения с сохранением значений и смыслов явлений и процессов, присущих китайским буддистам.

Рукопись «Уйгурской версия биографии Сюань-цзана» оформлена в виде потхи, т.е. стопки нешироких листов, положенных друг на друга и скрепленных шнуром, протянутым через отверстия на листах. На каждом листе изображена рамка, выполненная красной тушью. Строки на листе расположены следующим образом: каждые три строки текста

³⁷ См. по: Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С.15-17.

³⁸ См. по: Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. С. 12-13.

разъединяются отверстием, которое обведено красным цветом³⁹. Рукопись содержит колофон, в котором представлена информация об имени, титуле, образовании автора перевода и месте, где он жил. Переводчик Сынгку Селитудун указал в колофоне, что он является *boşyutluğ*, т.е. получившим образование, также *bişbalıqlıy*, т.е. живущий или родом из г. Бешбалыка, и имел титул *tutuğ*, что можно соотнести с военным наместником округа, однако с полной ответственностью это нельзя утверждать⁴⁰.

Вопрос о времени создания уйгурской рукописи является спорным. Существует мнение, которое принадлежит А. фон Габен, согласно которой рукопись была переведена на уйгурский язык в X в. в г. Бешбалык, поскольку в «Биографии» фигурирует название города Лояна (восточная столица Танской империи), которое представлено в варианте Лоцзинь, употребление которого отмечалось только в период 923-936 годов при династии Хоу Тан. Также исследовательница указывает на свойства бумаги, особенности почерка, которые были характерны именно для указанного периода времени, что вполне могло считаться аргументом доказательства её точки зрения⁴¹.

Рукопись выполнена уйгурским письмом, разработанным в Уйгурском каганате (745-840 гг.). Традиционно уйгурское письмо возводится к согдийскому курсивному письму⁴².

Уйгурское письмо можно разделить на древнеуйгурское и новоуйгурское (караханидское) письмо. Под древнеуйгурским письмом понимается 16-20-значное алфавитное письмо, возникшее примерно в VII веке. Представляется, что уйгурское письмо возникло как результат активной миссионерской деятельности согдийских манихейских общин⁴³. Придуманная система письма включала около 30 фонем. Каждый знак имеет изолированный, начальный, срединный и конечный вариант начертания, за исключением знака «z». для уйгурского письма характерно, что во втором и последующих слогах переднерядные, огубленные, широкие и узкие гласные не прописываются. Более того, наблюдается использование знака «t» в начале слова качестве оппозиции «d»⁴⁴.

³⁹ Тугушева Л.Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. С.4.

⁴⁰ Там же. С.4-5.

⁴¹ Цит. по Тугушева Л.Ю.: A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. С.334.

⁴² См. по: Кляшторный С.Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийский степей. Древность и средневековье. —СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 111-119.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 93-105.

⁴³ Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности. С. 86.

⁴⁴ Тугушева Л. Ю Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. —СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С. 12.

Наблюдается слитное начертание морфологических показателей с основой⁴⁵. Чаще всего знаки наносились на бумагу кисточкой⁴⁶.

Под новоуйгурским письмом понимают вариант уйгурского письма, расцвет которого пришелся на период существования государства Караханидов в X-XII веках, которое располагалось на территории Центрального Тянь-Шаня. Письмо караханидов рассматривается отдельно, поскольку иной фонемный состав уйгурского языка государства Караханидов стал причиной появления новых знаков для обозначения новых звуков⁴⁷.

Памятники уйгурского письма дошли до нас в виде рукописных книг, составленных в форме *потхи, тетрадей, свитков, записей и др.* Ближе к XIII-XIV векам книги изготовлялись посредством ксилографии, т.е. стали применять способ механического воспроизведения текста. Ксилографический способ воспроизведения текста предполагает многократное воспроизведение текста с помощью печатей и оттисков. Необходимый текст записывали каллиграфическим почерком на прозрачной бумаге. Затем бумагу наклеивали в перевернутом виде на отшлифованную доску. По получившемуся контуру высекали промежутки между знаками и получали рельефное изображение текста, которое прикладывали к бумаге, таким образом получив копию исходного текста⁴⁸.

Ценность «Уйгурской версии биографии Сюань-цзана» объясняется не только богатым фактическим материалом по истории, географии, этнографии и религиоведению, но и интересным языковым материалом, свидетельствующим о состоянии древнеуйгурского языка в XI веке. Исследование грамматики древнеуйгурского языка на материале «Уйгурской версии биографии Сюань-цзана» представляется перспективным, поскольку оно позволяет проанализировать и изучить становление и развитие грамматических форм древнеуйгурского языка. Несмотря на то, что «Уйгурская версия биографии Сюань-цзана» является переводным произведением, его можно также оценивать как самостоятельное художественное произведение, поскольку оно является образцовым произведением раннесредневековой тюркской литературы, написанном на литературном древнеуйгурском языке.

⁴⁵ Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности. С. 85-86.

⁴⁶ Габен фон. А. Культура письма и печатания у древних тюрков//Зарубежная тюркология. Вып.1. –М.: Наука, 1986. С. 172-177.

⁴⁷ Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности. С.88-89.

⁴⁸ Тугушева Л. Ю Раннесредневековый тюркский литературный язык. С. 16-17.

ГЛАВА I: Теоретические основы исследования

Глава посвящена разбору общих теоретических понятий, составляющих основу настоящего исследования. Рассматриваются основные грамматические понятия и явления, которые представляются необходимыми для построения логики данного исследования.

Проведение любого лингвистического исследования подразумевает под собой наличие теоретической базы, которая позволяет провести наиболее полное описание анализируемого материала. Поскольку в фокусе внимания предлагаемой работы находится морфологическая подсистема древнеуйгурского языка, то представляется необходимым рассмотреть строй языковой системы и отдельных ее элементов. Логика анализа, представленного в работе, построена по принципу от общего к частному: от понятий язык и речь до конкретных морфем древнеуйгурского языка.

С позиций общего теоретического языкознания язык можно рассматривать как замкнутую иерархично устроенную систему взаимосвязанных единиц, призванных кодировать мыслительные образы для осуществления процесса коммуникации. Не являясь самодостаточной системой, язык формируется на основе человеческого мышления и изменяется, отвечая внешним запросам. Иными словами, язык не существует в отрыве от объективной действительности, а является неотъемлемой составляющей человеческой жизнедеятельности. Системный характер языка выражается в структуре взаимодействующих единиц, связь которых обеспечивает реализацию функции установления косвенных отношений одной единицы системы с другими⁴⁹. Каждая единица языковой системы передает абстрактный образ, т.е. копию элемента объективной действительности, возникшей в сознании в результате мыслительного процесса. Язык кодирует мыслительный образ, представляя его в форме языкового образа, в котором абстрактные значения представляются в качестве предмета, признака, действия и количества. Языковой образ формально выражен в обобщенном образе речевого знака, точнее в фонемном или графемном виде. Иначе говоря, языковая единица является двусоставной, поскольку в ней реализуется значение, т.е. образ элемента объективного мира, которое ассоциативно связано с означающим, репрезентирующим образ звучания, сформированное в результате работы органов чувств⁵⁰.

Языковая система располагает конечным количеством единиц, выстроенных так, что ни одна из них не функционирует изолированно. Язык является естественной системой,

⁴⁹ См. например: Мельников Г.П. Системный подход в лингвистике. // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1973. С. 183.

⁵⁰ См. по: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 98-107; Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии// Системные исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1973. С. 184–189.

сложившейся на основе мышления, и каждый его компонент призван выполнять функцию, единую для всей системы, а именно коммуникативную функцию. Все компоненты языковой системы приспособлены к передаче информации. Поскольку язык входит в некую *надсистему*, т.е. существует в контексте человеческой деятельности, он подвергается сильному внешнему влиянию, которое может изменить образ действия всей системы, адаптируя ее к новым условиям⁵¹ и создавая средства для максимально точной передачи необходимой информации, реализуя коммуникативный процесс.

Язык, представляя собой механизм, приспособленный для коммуникации, предполагающей обмен мыслительным содержанием посредством воспроизведения и восприятия звуковых и графических знаков, объективно существует в сознании отдельных индивидов, вместе образующих целостную коммуникативную общность⁵².

Языковые единицы, реализующие коммуникативную функцию и доступные всем членам языковой общности, группируются в структурные единицы более высокого уровня, а именно в рамках языковой системы единицы языка объединяются в *подсистемы* языка, которые выстроены по степени полноты передачи коммуникативной информации: от звукового представления до значений синтаксических конструкций.

В языке выделяются следующие подсистемы языка: 1) фонология, которая представляет собой совокупность фонем, минимальных фонологических единиц, соответствующих звуку в речи⁵³; 2) морфонология, под которой понимается совокупность закономерностей, по которым действуют фонологические структуры языковых единиц⁵⁴; 3) морфология, которая объединяет средства технического преобразования облика слова; 4) синтаксис представляет собой подсистему, в которую входят средства, отвечающие за построение речевых линейных высказываний.

Подсистемы языка, как структурные объекты, в свою очередь, включают в себя элементы более низкого уровня, которые представлены в виде разного рода моделей.

Основополагающим элементом системы является ее минимальный компонент. В языковой системе минимальной инвентарной единицей является монема. Под монемой понимают двустороннюю единицу языка, состоящую из двух взаимосвязанных абстрактных образов – означаемое, или значение (образ элементов объективного мира), к которому сводятся все узуальные и окказиональные смыслы, и означающее (образ

⁵¹ См. по: Мельников Г.П. Системный подход в лингвистике. С.184.

⁵² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 53. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка/ под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун - та, 2015. С. 13.

⁵³ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. –М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 36-37, 41-45.; Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.25-26.

⁵⁴ Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. –М., 1987. С.13.

речевых знаков)⁵⁵. Монема служит связующим звеном между языком (идеальной системой) и речью (материальное звено акта коммуникации)⁵⁶. Поскольку монема является минимальной единицей языка, то в каждой подсистеме языка она проявляет то значение, которое соответствует функции подсистемы. Однако, на уровне фонологической подсистемы языка минимальной единицей является фонема, поскольку она не репрезентирует определенное значение. На уровне морфологии монема представлена в виде морфемы, т.е. инвентарной единицы языка, которая является средством оперативно-грамматического преобразования облика лексемы в языке или слова в речи для создания лексем, т.е. лексемообразования, или для передачи служебной информации, т.е. словоизменения⁵⁷. На уровне лексики монема представлена в виде лексемы, под которой понимается любая языковая инвентарная единица, соответствующая слову в речи⁵⁸, обладающая знаменательным и служебным значением. К знаменательным относятся лексемы с классифицирующим грамматическим значением предметности, качественности, обстоятельственности, процессуальности и конкретного количества. К служебным относятся лексемы, выступающие в качестве вспомогательных элементов, несущих дополнительную информацию о связях или свойствах элементов реальности⁵⁹. Знаменательными лексемами являются: глагол, имя существительное, имя прилагательное, наречие, числительное, а служебными лексемами в тюркских языках выступают послелогои. Лексемы объединяются в устойчивые группы, именуемые *классами* лексем, на основе соответствующего набора средств и категориальных значений и принципов, предложенных самой языковой системой⁶⁰. Традиционно классы лексем называют частями речи. Однако в речи единицы не делятся на классы, распределение единиц по знаменательным и служебным классам происходит в языке⁶¹.

⁵⁵См. по Гузев В. Г. Словоизменение существительных в турецком языке// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 93.;

Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема»//Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В.Б. Касевича: Сборник статей/ под ред. Л. А. Вербицкой и др. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 30-32.

⁵⁶ Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема». С. 33.

⁵⁷ См. по: Бодуэн де Куртенэ А.И. Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков// Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 121.; Он же. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова // Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 183. Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема». С. 30-31.

⁵⁸ Гузев В.Г. Словоизменение существительных в турецком языке. С. 93.

⁵⁹ Там же. С. 99-100.

⁶⁰ Сравнить с Щерба Л. В. О частях речи в русском языке//Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. Уч. -пед. Изд-во мин. просвещения РСФСР, 1957. С. 64.

⁶¹ См. по Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 15-23, Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб: Изд-во С. Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 11-18.

На уровне синтаксиса минимальной единицей выступает модель синтаксической конструкции. Каждый значимый компонент подсистемы более низкого уровня является базисом для образования компонента подсистемы более высокого уровня. Инвентарные единицы языковой системы обеспечивает реализацию коммуникативной функции языка.

Языковые единицы являются идеальными, представленными в ограниченном количестве передаваемых образов. В процессе реализации коммуникативной функции языка каждой используемой языковой единице подбирается ее речевое соответствие. Единицы языка, являясь абстрактными образами, для максимально точной передачи необходимой информации воплощаются в речевых знаках, т.е. в неких материальных образованиях, репрезентирующих нужную для обмена информацией. Иными словами, монеме, как инвентарной единицы языка, в речи соответствует знак, под которым понимается как физическое образование, производимое человеком за счет физиологических средств и воспринимаемое органами чувств, передающее определенную информацию коммуниканту⁶². Знак воплощен в звуковом или графемном виде. Связь между звучанием/графемным составом знака и тем смыслом, который он передает, условна конвенциональна.

Знаками являются фонемы, соответствующие фонемам в языке. Инвентарными единицами речи более высокого уровня выступают морфемы, или аффиксы, которые представляют собой грамматические показатели, соответствующие морфеме и несущие определенную информацию о связях и второстепенных свойствах предметов, признаков, обстоятельств, количеств и действий⁶³. Слово, которое является конкретным вариантом лексемы, репрезентирует тот смысл, который необходим для выражения мысли субъекта в момент речи⁶⁴. Соответствием модели синтаксической конструкции в речи выступает высказывание, которое может приобрести форму предложения, где выражена мысль субъектно-предикатной структуры, или же форму словосочетания.

Идеальная система, которой является язык, материализуется в речи. В отличие от языка, который объективно существует в сознании индивидов, речь в зависимости от конкретной ситуации порождает бесконечное количество вариантов речевых знаков, которые в общем передают ценную для коммуникации информацию⁶⁵. В этом проявляется уникальность и индивидуальность речи, поскольку говорящий волен комбинировать знаки так, как ему кажется наиболее подходящим для выражения собственной мысли. В процессе

⁶² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 15.

⁶³ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 16-24.

⁶⁴ Гузев В.Г. Словоизменение существительных в турецком языке. С. 95.

⁶⁵ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 46-49.

речевой деятельности говорящий кодирует смысловое содержание, используя языковые средства, а слушающий, воспринимая речевое сообщение, его декодирует, таким образом, осуществляется обмен информацией, и цель коммуникации достигнута. Артикуляция звуков также является сугубо индивидуальной чертой говорящего⁶⁶.

Язык, как система абстрактных образов, оперирует только единицами - эталонами, в то время как речь использует материальные знаки. Подобные различия между понятиями язык и речь ложатся в основу *принципа разграничения языка и речи*.

В акте коммуникации речевые цепочки выстраиваются на основе существующих языковых моделей, с помощью которых передается также и информация о второстепенных свойствах и связях элементов действительности, т.е. передается служебная информация. Применительно к тюркским языкам, которые по морфологической типологии относятся к языкам агглютинативным, можно говорить о том, что коммуникант в процессе речи, строя высказывание, преобразует слова, основываясь на принцип *агглютинации*. Под агглютинацией понимается оперативно-грамматическое преобразование облика слова посредством последовательного присоединения однозначных морфов. Носитель тюркского языка образует словоформу в момент говорения. Необходимые преобразования и операции со словом производятся регулярно за счет работы языковых средств. Подобные языковые средства входят в морфологическую подсистему языка, в функцию которой входит преобразовать облик лексемы в языке или слова в речи для достижения содержательно-коммуникативной или грамматической цели⁶⁷.

Морфология как подсистема языка располагает структурными единицами: формой и категорией. Под *формой* понимается минимальная структурная единица морфологической подсистемы языка, представляющая собой модель, по которой в речи образуется словоформа, цель которой заключается в передаче служебной информации об элементе действительности, выраженном в исходной основе. Совокупность форм, объединенных общим категориальным значением, т.е. *оязыковленным* абстрактным образом элемента объективной действительности, и противопоставленных друг другу⁶⁸, образуют структурную единицу более высокого уровня под названием *категория*.

Передача служебной информации в тюркских языках реализуется за счет *словоизменения*, под которым понимается языковой механизм, посредством которого происходит грамматическое преобразование знаменательных или служебных слов с целью

⁶⁶ См. по: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 49-56.

⁶⁷ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 39.

⁶⁸ Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 781-783.

сопряжения знаменательных или служебных лексических значений с грамматическими служебными, при этом тождество слова самому себе не нарушается, что находит речевое воплощение в построении словоформ⁶⁹. Словоизменение реализуется посредством *формообразования*, т.е. способа грамматического преобразования слов, который отражает в речи смыслы, указывающие на свойства или связи элементов действительности⁷⁰ и *формоизменения*, под действием которого изменяются формы некоторых многочисленных категорий без изменения их категориального значения⁷¹. В результате словоизменительных операций в речи образуется словоформа, которая представляет собой морфологическую форму, состоящую из корня и формообразовательного аффикса, кроме того может присутствовать и формоизменительный аффикс⁷².

Морфологическая подсистема языка также располагает и совокупностью средств, используемых для создания лексем с обозначением нового объекта действительности. Подобная языковая операция, традиционно рассматриваемая как словообразование, интерпретируется как *лексемообразование*⁷³, что представляется более корректным разграничением речевых и языковых единиц, механизмов, операций и т.п.

Для реализации эффективной коммуникации лексическое значение сопрягается с грамматическим служебным значением. В процессе словоизменения указание на связи элемента действительности, представленного в языке в виде лексемы, на его второстепенные свойства, вторичное гипостазирование и т.п., т.е. операции по окказиональному представлению значения в образах знаменательных лексем, производится словоизменительной формой, которая является минимальной структурной единицей словоизменения агглютинативного языка⁷⁴. В тюркских языках подобные средства передачи служебной информации реализуют свою функцию в области субстантивного и глагольного словоизменения. Субстантивное словоизменение представлено совокупностью форм и категорий, являющиеся средствами передачи служебной информации о предметах, целью которых является построение субстантивных словоформ. Среди единиц субстантивного словоизменения в тюркских языках к средствам, указывающим на: 1) связи объектов относят категорию принадлежности, категорию склонения, категорию именной сказуемости; 2) второстепенные свойства: категория множественности, категория субъективной оценки, категория

⁶⁹ Гузев В.Г. Словоизменение существительных в турецком языке. С. 98.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См. по: Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.22-23; Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 25.

⁷² См. например: Дениз-Йылмаз О. Указ. соч. С. 22.

⁷³ Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема». С. 30-31.

⁷⁴ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка С. 44.

определенности/неопределенности, категория степеней сравнения прилагательных и наречий; 3) именная категория вторичной репрезентации *-ki*.

Глагольное словоизменение понимается как языковой механизм, оперирующий совокупностью форм и категорий, образованных в результате сопряжения знаменательных или служебных лексических значений с грамматическими служебными значениями, с целью передать служебную информацию о действиях, результатом чего становится порождение глагольных словоформ в речи⁷⁵.

Если в области субстантивного словоизменения грамматическим преобразованиям подвергаются именные лексемы, представленные в достаточном разнообразии (имя существительное, имя прилагательное, наречия, имена числительные и местоимения), то в области глагольного словоизменения все языковые средства служат для преобразования глагола. Под *глаголом* понимают знаменательную лексему со значением процессуальности, а именно: то, что носители языка воспринимают как действие⁷⁶. С целью обеспечить порождение конкретной разновидности глагольных словоформ механизм глагольного словоизменения создает *глагольные словоизменительные формы*, т.е. минимальные структурные единицы, которые мыслятся как абстракции и которые призваны сообщить служебную информацию о действии⁷⁷. Совокупность подобных форм становится основанием для выделения *глагольных словоизменительных категорий*.

В зависимости от служебного грамматического значения в тюркских языках выделяют следующие словоизменительные категории: 1) залога, 2) статуса, 3) наклонения, 4) инфинитных форм, 5) глагольной сказуемости⁷⁸.

В тюркских языках словоизменительная форма строится по определенному принципу последовательного присоединения морфем: когда каждая морфема для передачи необходимого грамматического значения, занимает в структуре словоформы отведенную ей позицию. При отсутствии необходимости указания на наличие значения отсутствует и морфема. Последовательный порядок присоединения морфов в словоформе является объективным и не нарушается. Исходя из доминирующего в тюркских языках принципа мономорфизма присоединение морфов происходит таким образом, что границы между ними внутри словоформы четко прослеживаются⁷⁹. Порядок присоединения морфем

⁷⁵ Гузев В.Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 289.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С.290.

⁷⁸ См. на: Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 125; Он же. Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 289 - 290.

⁷⁹ См. по: Щербак А.М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования//Вопросы языкознания, 1983. № 3. С. 39-43; Гузев В. Г., Бурькин А. А. Общие

может объясняться стремлением уточнить, конкретизировать образ, в котором пребывает объект (предмет, явление, событие) действительности, выраженным исходной основой.

Принцип распределения морфем зачастую рассматривается в рамках «таксономии» - строго порядка иерархии морфем⁸⁰. Примечательно, что исследование грамматических категорий в тюркских языках в последнее время ведется именно по принципу таксономии, т.е. сначала рассматриваются те морфемы, которые располагаются ближе к корневой морфеме⁸¹.

К корневой морфеме ближе те морфемы, которые уточняют отношения действия, выраженного исходной основой, и связанных с ним предметов. Иначе говоря, построение словоформы осуществляется по принципу: первичные уточнения (залог, статус), и вторичные уточнения (финитные и инфинитные формы).

В предлагаемой работе словоизменительные формы глагола древнеуйгурского языка рассматриваются на основе принципа последовательного присоединения морфем.

В тюркских языках в структуре словоизменительной формы глагола к исходной форме первым присоединяется показатель *залога*, что объясняется особенностью залога уточнять связи действия и вовлеченных в это действие предметов. Подобные связи ограничиваются только отношениями страдательности, взаимности, понудительности и возвратности⁸². Примечательно, что зачастую залоговые формы склонны к лексикализации, что создает ошибочное представление о том, что категория залога является лексико-грамматической⁸³.

строевые особенности агглютинативных языков// Acta linguistica Petropolitana. труды ИЛИ РАН. - т. 3. - Ч. 1. - СПб., 2007. С. 109-117.

⁸⁰ О термине таксономия см. например : Кочеткова Т.И. Лексическая таксономия сложносоставных имен существительных//Вестник ОГПУ. № 2, 2009. С. 38-45. Прохоров С.А., Сучкова А.С., Куликовских И.М. Кластеризация диагностических текстов при изучении предлогов английского языка в соответствии с таксономией Блума// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17. № 2(5), 2015. С. 1097-1103.

⁸¹ По данному принципу построена, например, Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка/ под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун - та, 2015. 320 с.

⁸² См. по: Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С.291. Дубровина М. Э. Категория залога языка древнетюркских рунических памятников// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 159.

⁸³ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч.2. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С 6.

Применительно к тюркским языкам в общем, а к древнетюркским языкам в частности, выделяют следующие залоговые формы, объединяемые в единую категорию: страдательный, возвратный, взаимно-совместный, понудительный⁸⁴.

Страдательный залог представляет собой словоизменительную форму глагола, в значении которой представлен образ отношения между действием и предметом, при котором предмет мыслится как объект прямого воздействия, а также форма страдательного залога может указывать на наличие неопределенного, обобщенного субъекта действия⁸⁵.

Под *возвратный залог* следует понимать словоизменительную форму глагола, значение которой сигнализирует о том, что: 1) действие, совершаемое субъектом действия, направлено на него самого, т.е. *возвращается* на субъекта; 2) действие, которому подвергается непосредственно субъект, 3) действие, которое выполняет субъект в свою пользу⁸⁶.

Взаимно-совместный залог представляется как форма глагола, значение которой указывает на то, что действие совершается не менее чем двумя производителями⁸⁷.

Понудительный залог определяется как форма глагола, указывающая на то, что действие, выраженное исходной формой глагола, производится по инициативе субъекта действия⁸⁸. На материале тюркских языков в целом, и древнеуйгурского языка в частности, наблюдается лексикализация форм с понудительным залогом. Возможно, это объясняется утратой продуктивности морфем понудительного залога. Следовательно, в некоторых случаях залоговые формы больше не мыслятся, как словоизменительные, а сливаются с исходной основой глагола, и выражаемое морфемой значение входит в общее категориальное значение глагола.

Вопрос о наличии *действительного залога* в тюркских языках до сих пор является спорным. В традиционных грамматиках по тюркским языкам отсутствует раздел, посвященный действительному залогом, поскольку его наличие представлялось, как само собой разумеющееся явление. В современной тюркологии разрабатывается идея, согласно которой действительный залог в тюркских языках отсутствует, поскольку основа глагола «индифферентна к связям между действием и предметом»⁸⁹, и если отсутствует особое

⁸⁴ См. по: Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников(VII-IX вв.). – Л.: Изд-во Наука, 1980. С. 173-178; Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 70-78.

⁸⁵ Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С.295-296. Дубровина М. Э. Категория залога языка древнетюркских рунических памятников. С. 168-171.

⁸⁶ Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С.296-297. Дубровина М. Э. Категория залога языка древнетюркских рунических памятников. С. 171-174.

⁸⁷ Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 291-292.

⁸⁸ Дубровина М. Э. Категория залога языка древнетюркских рунических памятников. С. 174-176.

⁸⁹ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 129-132.

морфологическое маркирование, т.е. нет морфемы действительного залога, то нет и категориального значения залога.

Наряду с рассмотренной выше точкой зрения существует и противоположная идея, согласно которой действительный залог в тюркских языках представлен в качестве функционального нуля. Иначе говоря, наличие категориального значения может быть морфологически не маркировано. Однако мало вероятно, что отсутствие морфемы является свидетельством наличия действительного залога. Например, некоторые тюркские глаголы имеют сему залога в своем значении. В древнетюркских языках основа глагола *kel-* в *qayap kelmiş at* 'лошадь, на которой приехал каган', может считаться одним из доказательств того, что основа глагола без морфемы действительного залога не имеет функционального нуля, поскольку в данном примере в субстантивно-адъективной форме *kelmiş* отсутствуют морфемы залогов, но в основе глагола *kel-* указывается на значение страдательного залога. В субстантивно-адъективных формах встречаются морфемы всех залогов, за исключением страдательного. В ситуации с *arïu nomqa ančulasıq törü bar erti* - 'существовал обычай, согласно которому требовалось совершать подношения священному писанию', основа глагола *ančula-* 'преподносить' не имеет в форме САФа *-sıq* показателей залогов, однако в примере наблюдается указание на неопределенно-личное значение страдательного залога.

Что касается функционального нуля, то применительно к тюркским языкам о нем можно говорить только в личных формах категории времени и принадлежности. Форма с той или иной морфемой противопоставляется форме без морфемы или с другой морфемой при условии, что морфемы входят в одну категорию. Основа глагола, имеющая ту или иную морфему, выражающую некое категориальное значение, например, основа глагола+морфема страдательного залога, должна противопоставляться по значению основе глагола без морфем. Например, в парадигме прошедшего времени *-di*, например, *kelti*+нулевая морфема 'он пришел' находится в оппозиции к *keltimiz* 'мы пришли'. Как представляется, точка зрения на существование нулевой морфемы может быть оспорена на материале тюркских языков.

В словоизменительной форме глагола к основе глагола(или при наличии залоговой морфемы: основа глагола+залог) присоединяется показатель категории статуса. На современном этапе развития тюркских языков, в частности в турецком языке, категория статуса включает в себя форму отрицательного статуса и формы возможности/невозможности совершения действия. Под категорией статуса понимается совокупность языковых средств посредством которых выражаются значения форм

возможности, невозможности и отрицания⁹⁰. Применительно к древнеуйгурскому языку к категории статуса можно отнести форму отрицательного статуса, представленную морфемой *-та-*. Форма отрицательного статуса является двухчленной категорией, поскольку форма с морфемой отрицательного статуса противопоставлена глагольной форме без указанной морфемы⁹¹. Значения возможности/невозможности совершения действия в древнеуйгурском языке передаются аналитическим путем, т.е. сочетанием деепричастия и глагола со значением «уметь».

Вслед за морфемой категории статуса вы словоизменительную глагольную форму могут встраиваться морфемы, объединяемые под единым понятием *категория сказуемости*.

Категория сказуемости понимается как совокупность финитных форм, т.е. словоизменительных форм имени и глагола, представляющих собой морфологический способ выражения суждения. Традиционно категория сказуемости определяется как совокупность финитных форм, которые выступают в функции сказуемого⁹². Категорию сказуемости следует рассматривать как морфологическую, поскольку она объединяет словоизменительные формы, а не как морфолого-синтаксическую⁹³.

Наличие *финитной формы* является основным критерием выделения «предложения» в тюркских языках. Под финитной формой следует понимать морфологическое средство передачи мысли, выраженной в суждении, обладающем субъектно-предикатной структурой⁹⁴. В финитной форме субъект действия морфологически маркирован. Однако морфологическое маркирование личного значения не указывает на то, что финитная форма отождествляется с понятием личной формы. При описании языков других групп и семей следует отметить, что финитная форма может быть неличной. Иными словами, личные значения субъекта действия могут быть не выражены в самой форме⁹⁵.

В категорию сказуемости состоит из нескольких категорий, одной из которых является *категория наклонения*. Категория наклонения представлена совокупностью форм,

⁹⁰ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.300-301.

⁹¹ Кононов.А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников(VII-IX вв.). С.171.

⁹² См. по: Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Синтаксис/по.ред. Н. К. Дмитриева. – М.: АН СССР, 1961. С. 5-19; Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка С. 316.

⁹³ См. по: Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 316; Гузев В. Г. О разграничении понятий «финитная форма» и «личная форма»/ /Востоковедение/ Отв. ред. Гузев В. Г., О. Б. Фролова. – СПб, 1993. Вып. 18. С. 37.

⁹⁴ Там же. С. 37.

⁹⁵ Гузев В. Г. О разграничении понятий «финитная форма» и «личная форма». С. 38.

сигнализирующих об отношении говорящего к содержанию и достоверности высказывания. Традиционно в древнеуйгурском языке выделяют повелительное, изъявительное, желательное и условное наклонения⁹⁶.

Под повелительным наклонением понимается совокупность форм, значение которых указывает на то, что говорящий побуждает предмет к совершению действия, выполнению повеления, приказа⁹⁷.

Под изъявительным наклонением понимают совокупность форм, значение которых заключается в выражении в качестве смыслов соотношение действий (в планах прошедшего, настоящего и будущего времени) с событиями, с которыми говорящий ассоциирует абстрактный образ прошлого, настоящего или будущего периода ориентации⁹⁸. В категории изъявительного наклонения в древнеуйгурском языке принято выделять формы *простых* (формы настоящего-будущего времени *-ar*, прошедшего времени *-di*, будущего времени *-tačī* и *-γaj* и формой перфекта *-miš*) и *сложных* времен, строящихся по модели «*простое время + erti*» (имперфект *-ar erti*, давнопрошедшее время *-miš erti* и будущее в прошедшем *-tačī erti*).

Под формой настоящего-будущего времени *-ar* понимается совокупность форм, значение которой сигнализирует о том, что совершаемое действие не относится к периоду предшествующему настоящему периоду, а реализуется в планах непрошедшего периода. Значение данной формы не указывает на совпадение совершаемого действия с настоящим периодом ориентации⁹⁹.

Для выражения плана будущего времени в древнетюркских языках функционируют формы *-tačī* и *-γaj*. Форма будущего времени с морфемой *-tačī* указывает на то, что действие совершается в последующем за настоящим периодом плане времени при этом возможны оттенки долженствования, желания и побуждения¹⁰⁰. Однако данная форма известна также под названием «настоящее-будущее потенциальное», в семантике которой выделяются значения будущего плана времени или настоящего плана со значением возможности совершения и развития действия в будущем¹⁰¹.

⁹⁶ См. по: Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. С. 90-93.

⁹⁷ Кононов .А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 183.

⁹⁸ См. по Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 316-317; Кононов .А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 186.

⁹⁹ См. по: Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. С. 83; Кононов .А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 186-187.

¹⁰⁰ См. по: Кондратьев В. Г. Указ. соч. С. 85-86.; Кононов А.Н. Указ. соч. С. 189-190.

¹⁰¹ Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. –М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С.64.

В древнеуйгурском языке значение формы *-yaǵ* указывает на то, что действие совершается в будущем плане времени и имеет модальные оттенки желательности¹⁰², но указание на то, что действие будет совершено, отсутствует.

Под формой прошедшего времени *-dī* понимают форму, значение которой сигнализирует о факте совершении действия в периоде, предшествующем настоящему¹⁰³.

Под формой перфекта *-mīš* понимают форму, значение которой сигнализирует о совершении действия в прошлом, а результат действия имеет значение в настоящем периоде. Поскольку процесс совершения действия для говорящего неочевиден, он делает умозаключение при виде только результата действия, а также говорящий может выражать некое сомнение о результате действия, поскольку при самом процессе совершения действия он не присутствовал¹⁰⁴. Традиционно данную форму принято называть прошедшее неочевидное или субъективное время¹⁰⁵, однако, как представляется, неочевидность, субъективность и внезапность умозаключения являются смыслами, исходящими от общего значения перфекта.

В древнеуйгурском языке *сложные времена* образуются посредством сочетания простых временных форм со вспомогательным глаголом в форме простого прошедшего времени. Вспомогательный глагол *er-* в форме прошедшего времени *-dī* указывает на план прошедшего времени, в котором совершалось действие. Говорящий выбирает прошедший период как актуальный период ориентации. Следовательно, первый компонент модели сложных времен указывает на то, как соотносятся действия относительно актуального периода в рамках плана прошедшего времени.

Под *имперфектом* *-r erti* понимают форму изъявительного наклонения, значение которой указывает на постоянно совершаемое действие в прошлом, начало и конец этого действия неизвестен¹⁰⁶.

Под *давно-прошедшим* временем *-mīš erti* понимают форму изъявительного наклонения, значение которой сигнализирует о совершении действия до совершения другого действия в прошлом¹⁰⁷.

Будущее в прошедшем *-tačī erti* понимается как форма изъявительного наклонения, значение которой сигнализирует действие совершено вслед за прошлым периодом

¹⁰² Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. С.80-81.

¹⁰³ Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 323-324.

¹⁰⁴ См. по: Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. С. 84-86.

¹⁰⁵ См. по: Кононов .А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 188-189.

¹⁰⁶ См. по: Кононов .А.Н. Указ. соч. С. 191.; Кондратьев В. Г. Указ. соч. С.86.

¹⁰⁷ Телицин Н.Н. Язык древнетюркских памятников рунического письма (VII-IX вв.). – СПб,2001. С. 20

ориентации. Традиционно значение данной формы определяли, как возможность и необходимость совершения действия¹⁰⁸.

Также в категории наклонения древнеуйгурского языка выделяют *желательное* наклонение, под которым понимается совокупность форм, сигнализирующих о том, что говорящий выражает волеизъявление с разными дополнительными смысловыми оттенками, такими как: намерение, желание совершить какое-либо действие, *испрашивание* разрешения на совершение действия¹⁰⁹.

Традиционно в тюркологии в категории наклонения выделяют *условное наклонение*¹¹⁰. Однако для тюркских языков наличие условного наклонения как категории представляется спорным вопросом, поскольку *условие* представляет собой обстоятельственное значение, что вряд ли может являться категориальным значением наклонения.

В материале древнеуйгурского языка наблюдается употребление нефинитных форм со значением условия. В древнеуйгурском языке для передачи значения условия функционирует деепричастие с показателем *-sar*, т.е. нефинитная форма глагола с соответствующим значением¹¹¹. В материале современных тюркских языков зафиксировано использование морфемы *-sa* с личными морфемами, значение которой заключается в том, чтобы представлять действие как обстоятельство условия.

Наряду с продуктивным функционированием финитных форм глагола, для тюркского глагольного словоизменения характерно функционирование целой группы нефинитных¹¹² форм, объединяемых в *категорию номинализации действия*¹¹³ и представляющих действие в образе предмета, признака или обстоятельства. *Нефинитные формы*, традиционно именуемые глагольными именами, понимаются как формы, в которых процесс представлен в именных образах. Нефинитные формы глагола сохраняют

¹⁰⁸ См. по: Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С.336-337; Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. С. 87.; Телицин Н.Н. Язык древнетюркских памятников рунического письма. С.20.

¹⁰⁹ См. по: Телицин Н.Н. Язык древнетюркских памятников рунического письма. С. 20-21.; Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С.341-342.

¹¹⁰ См. по Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. –М.: Изд-во АН СССР, 1941. С.277-280.

Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.221-223.;

¹¹¹ Телицин Н.Н. К истолкованию формы *-sar* в древнеуйгурском языке // *Alkiş bitig. Scripta in honorem D.M.Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д.М.Насилова. – М., 2015. С. 234-238

¹¹² Также употребляется термин «инфинитные формы глагола» - прим. К.А.

¹¹³ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.221-223.;

Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.153; Он же. Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 308-309; Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке// *Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол* – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 182-183.

следующие признаки глагольности: неизменность значения действия, сохранение управления глагольной основы.

В работах по древнеуйгурскому языку в качестве нефинитных форм глагола выделяют: субстантивно-адъективные формы, адвербиальные формы (деепричастия), адъективные формы (причастия) и субстантивные формы¹¹⁴.

В рамках предпринятого исследования рассматриваются адъективные(причастия и САФы) и адвербиальные формы глагола(деепричастия).

Деепричастие представляется как нефинитная глагольная форма с обстоятельственным значением, которая не содержит абсолютных временных сем и уточняет другое действие посредством указания на предшествование, одновременность и следование уточняемому действию¹¹⁵. В связи с этим тюркские деепричастия принято рассматривать как часть морфологических средств категории таксиса¹¹⁶. Традиционно деепричастия признают неизменяемой формой глагола, т.е. они не изменяются по лицам и не спрягаются¹¹⁷.

Однако в современных тюркских языках наблюдается функционирование деепричастий в личных формах. В турецком языке глагольные формы с обстоятельственным значением, которые ранее описывались как финитные, а также формы, представляющие собой сложные образования аналитического характера¹¹⁸ в грамматиках стали относить к деепричастиям. Например, форма *-di mi*¹¹⁹ и «условное деепричастие» форма *-sa*¹²⁰, которая, как указывалось выше, традиционно выделяется как форма условного наклонения. Представляется, что термин деепричастие может быть определен как «совокупность глагольных форм, объединяемые на основе общего категориального значения адвербиализованного действия»¹²¹. Среди адвербиальных форм древнеуйгурского языка можно выделить: *-ip/pan/panin*, *-a*, *-yalı*, *-matı ~ -matin*, *-majin*, *-sar*.

Под *причастием* в тюркских языках понимается нефинитная глагольная форма, которая выражает признак действия и имеет временную сему. Причастиям, или

¹¹⁴ Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках // Вестн. СПбГУ 94. Сер.2. Вып. 1 (№2). СПб, 1994. С. 124-127.

¹¹⁵ См. по Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.168-172.; Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С.90-97, Телицин Н.Н. Язык древнетюркских памятников рунического письма. С. 22- 23; Щербак А. М. Формы неполной вербальности (деепричастия)//Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков(Глагол). – Л.: Наука, 1981. С. 122-132.

¹¹⁶ Типология таксисных конструкций/Отв. ред. В. С. Храковский. –М.:Знак, 2009. С. 750-803.

¹¹⁷ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 90-92.

¹¹⁸ Там же. С.93.

¹¹⁹ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 173, 221.

¹²⁰ Кононов .А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 132-133.

¹²¹ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 97.

адъективным формам глагола, присуще агентивное значение¹²². Наличие агентивного значения указывает на то, что предмет мыслится как производитель действия, которое выражено в образе признака данного предмета¹²³. Причастие имеет темпоральную сему, которая указывает на план времени, в котором совершается обозначенное действие¹²⁴.

В древнеуйгурском языке к адъективным формам глагола можно отнести: нефинитные формы *-tačï*, *-yüčï*, *-yüli*, *-yuta*, *-mïš*, *-r*.

Форма *-tačï* является адъективной формой глагола, значение которой сигнализирует о совершении действия, выраженного исходной основой, в плане настоящего-будущего времени с оттенком потенциальности совершения действия. Форма *-yüčï* указывает на то, что действие развивается на фоне основного действия с оттенком постоянности совершения действия¹²⁵. Данные формы признаются собственно причастиями, поскольку материал древнеуйгурского языка дает основание полагать, что формам свойственна реализация адъективной функции и агентивного значения¹²⁶, и они выступают в качестве присубъектных определений.

Формы *-yüli* и *-yuta* отмечаются в древнеуйгурском языке в функции присубъектного определения и в функции объекта действия. Формы *-yüli* и *-yuta* указывают на то, что действие представляется в своем развитии¹²⁷.

Форма *-mïš* в древнеуйгурском языке выступает в качестве субстантивно-адъективной формы глагола, однако для многих тюркских языков является только адъективной формой. Под *субстантивно-адъективной формой* понимают глагольные формы, представляющие действия либо в виде предмета, либо в виде признака¹²⁸. Подобные формы в адъективном употреблении передают различные отношения между действием - признаком и предметом, причем не указывают на производителя действия, т.е. лишены «агентивного значения»¹²⁹. Форма *-mïš* указывает на то, что действие, выраженное исходной основой, предшествует действию определяемого. В материале памятников древнеуйгурского языка не встречается форма отрицательного статуса *-mïš*, однако близкой по значению является форма *-madiq* (форма отрицательного статуса *-duq*),

¹²² Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. С. 35.

¹²³ См. по: Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 159-161; Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 27-28.

¹²⁴ Гузев В.Г. Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 310-311.

¹²⁵ Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке. С. 28-29.

¹²⁶ См. по: Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке. С. 27-30.

¹²⁷ Там же. С. 29-30

¹²⁸ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 62.

¹²⁹ Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке. С. 28.

часто встречающаяся в памятниках как вариант формы *-mĩʃ* в форме отрицательного статуса¹³⁰.

Глагольно-именная форма *-r* в древнеуйгурском языке выполняет субстантивно-адъективные функции. Встречается форма *-maz* как форма отрицательного статуса. В древнеуйгурском языке форма *-r* указывает на то, что действие совершается в плане настоящего и будущего периода ориентации¹³¹.

Для выражения разных характеристик протекания действия в тюркских языках используются особые формы, образованные аналитическим путем по модели: «адвербиальная форма глагола¹³² + вспомогательный глагол» и «адъективная форма глагола/САФ+ вспомогательный глагол». Подобные образования традиционно именуются способами глагольного действия¹³³, или «Aktionsart»¹³⁴.

Под способами глагольного действия понимают совокупность значений, которые входят в область лексического значения глагола и в которых отражаются и уточняются особенности протекания действия во времени¹³⁵. С этой точки зрения способы глагольного действия являются совокупностью лексико-грамматических средств, которые вносят дополнительные характеристики отношения действия к пределу, указывая, прежде всего, на ограниченность и неограниченность действия пределом (временной границей протекания действия во времени) и характеризуя процесс протекания действия с точки зрения длительности, непрерывности, кратности и др. Если действие ограничено пределом, то оно является исчерпанным. Ограниченность действия пределом выражается в наличии реального результата действия, лексически выраженного промежутка времени для совершения действия, указания на начало и конец действия, на однократность действия. Неограниченность проявляется в непрерывности, динамичности и интенсивности, неограниченной повторяемости действия, указании на направленность действия на результат(без его фактического достижения)¹³⁶.

¹³⁰ Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке. С. 31.

¹³¹ Там же. С.32.

¹³² Также употребляется термин «глагол-модификатор»

¹³³ Насилов В.М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках//Тюркологические исследования. – М.: Наука, 1976. С. 158-159.

¹³⁴ Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. –М.: Наука, 1989. С. 4-5.

¹³⁵ См. по.: Агрелль С. О способах действия польского глагола// Вопросы глагольного вида. – М., 1962. С. 36.; Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание /Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян; Вступит, ст. А. В. Бондарко, Н. А. Козинцевой, Т. А. Майсака, В. А. Плунгяна. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 30; Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. С. 4-10; Воронкова. А. А. К современным теориям аспектуальности. (Обзор)//Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал, 2007. С. 112-120.

¹³⁶ См. по: Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. –Л.: Наука, 1987. С. 45-47, 52-56.

Указание на отношение действия к пределу, которое содержится в значении способов глагольного действия, позволяет рассматривать их в качестве носителей видовых значений. Видовые значения образуют единое функционально-семантическое поле, которое характеризуется следующими признаками: ограниченность/неограниченность пределом, наличие/отсутствие внутреннего предела, представление действия как процесса, кратность, длительность, фазовость, перфектность, различие между действием и состоянием¹³⁷; оно объединяет под собой все значения, указывающие на внутреннюю динамику ситуации(процесс протекания действия)¹³⁸, свидетельствуют о типах отношений действия к пределу¹³⁹.

Внутренняя динамика процесса обладает собственной структурой, в которой условно можно выделить несколько фаз протекания процесса: подготовительная стадия, или *проспектив*; начальное состояние, или *ингрессив*¹⁴⁰; срединная стадия развития процесса, или *прогрессив*; финальная стадия, или *комплетив*; стадия результата, или *результатив*; стадия, при которой достижение предела происходит практически мгновенно, или *пунктив*¹⁴¹.

Так, при описании подготовительной стадии - проспектива - отмечают, что на данном этапе действие может характеризоваться наличием признаков, которые указывают на то, что действие вот-вот начнется. Для ингрессива важно указание на то, что действие воспринимается, как готовое к совершению. На материале тюркских языков отмечено, что форма *-p bar-* (см. С. 46-47 работы). При этом начало действия может приобретать дополнительные характеристики, например, интенсивность. На стадии прогрессива действие рассматривается, как реализуемое во времени безотносительно к началу или конечному пределу. Из дополнительных характеристик, приобретаемых действием могут выступать длительность, постепенность, незаконченность совершения действия. Для финальной стадии характерно, что действие достигает своего предела, т.е. приобретает признаки законченности и завершенности. Что касается результата, то он обозначает, что

¹³⁷ Цит. по: Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. С.41.

¹³⁸ См. по: Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. –Л.: Просвещение, 1967. С.50-51; Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. С. 290-291.

¹³⁹ Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии//Вопросы русской аспектологии//Известия Воронежского государственного педагогического института. 146 том. –Воронеж, 1975. С. 11.

¹⁴⁰ Под ингрессивом понимается глагол, в значении которого есть указание на начинательность и непосредственный следующий процесс. См. по: Бондарко А. В., Казаковская В.В. Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. –М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 348.

¹⁴¹ См. по: Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. С. 295-296.

действие достигло и перешло свою предельную точку, приобрело форму конечного «продукта», иначе результата. Пунктив обозначает действие, у которого отсутствует срединная фаза протекания. Также возможны случаи, когда привносится дополнительные оттенки в описание процесса протекания действия, такие как: внезапность, мгновенность¹⁴².

На основе анализируемого материала вряд ли можно говорить о том, что подобные значения в древнеуйгурском языке оформляются морфологически, поскольку не удалось найти соответствие между конкретным видовым значением и формой. По произведенным наблюдениям, в этот период отсутствуют регулярные морфологические средства, передающие только видовые значения. Отмечается, что формы, образуемые аналитическим путем, имеют в своей структуре обязательное лексическое соответствие основного и вспомогательного глагола. Вид в традиционном понимании¹⁴³, как словоизменительная категория, в древнеуйгурском языке вряд ли может быть выделен.

Анализируя значения способов глагольного действия в тюркских языках, в т.ч. в древнеуйгурском языке, следует отметить, что они передаются морфологическими средствами: аналитическими и перифрастическими формами.

Аналитическая форма понимается как бивербальная конструкция, представляющая собой сочетание деепричастия и формы вспомогательного глагола и передающая акционсартовое значение¹⁴⁴. В древнеуйгурском языке можно выделить две продуктивные аналитические формы: с адвербиальной формой **-а** и с адвербиальной формой **-р**.

В аналитической форме **-а+AUX**¹⁴⁵ первым компонентом выступает адвербиальная форма, иначе деепричастие **-а**, под которой понимается нефинитная формой глагола, значение которой указывает на то, что действие, выраженное исходной основой, совершается одновременно или параллельно поясняемому, уточняемому действию¹⁴⁶. В исследуемых памятниках отмечаются единичные случаи употребления формы *-majin*, как формы отрицательного статуса деепричастия **-а**.

¹⁴² См. по: Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. С. 155, 180-185, 73-79; Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. С. 298-299, 304-307; Кашлева К. К. К проблеме становления прогрессивных конструкций в немецком языке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 83-84.

¹⁴³ См. по: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. –М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 104-105; Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. –М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 23-24.

¹⁴⁴ Сравнить с: Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. С. 10-14.; Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 145-146.

¹⁴⁵ Вспомогательный глагол

¹⁴⁶ Телицин Н.Н. Определение значения зависимого таксиса в древнеуйгурском языке (на материале конструкций с деепричастиями) // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Сборник статей к 75-летию В.Г. Гузева – СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 296.

В аналитической форме «*-a + AUX*» акцентируется внимание на том, что действие, выраженное лексически значимым глаголом в форме деепричастия *-a*, протекает в периоде, обозначенном формой вспомогательного глагола. В силу грамматического значения деепричастия *-a*, которое частично реализуется в аналитической форме, подобные формы в сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами, в особенности с глаголами движения, чаще всего указывают на длительность, процессуальность, продолжительность и постепенность совершения действия.

В древнеуйгурском языке аналитическая форма «*-p AUX*» также является продуктивной. Первым компонентом формы выступает деепричастие *-(i)p*, которое является нефинитной формой глагола, значение которой указывает на то, что действие, выраженное исходной основой, предшествует совершению уточняемого действия. В исследуемых памятниках не наблюдается использование формы отрицательного статуса *-p*. Предположительно, отсутствие формы отрицательного статуса *-p* функционально восполняется формой *-matin/-madin*¹⁴⁷. В древнеуйгурских памятниках встречается форма *-rap*, которая, скорее всего, является развитием деепричастия *-p*. Возможно, форма *-rap* образовалась путем сложения *-p* и наречного показателя *-n*, чтобы сделать акцент на большей *образности* совершения действия. В памятниках не наблюдается употребление формы отрицательного статуса *-rap*, однако встречается форма *-matin*, которую по выполняемым ей функциям можно назвать аналогом формы *-matī*. Вероятно, что *-matin* образована путем сложения формы *-matī* и наречного показателя *-n*. В аналитической форме деепричастие *-(i)p* частично реализует свое грамматическое значение, поскольку при сочетании со вспомогательным глаголом движения подобные формы чаще всего указывают на завершенность, результат совершения действия.

Немаловажным компонентом аналитической формы является вспомогательный глагол, или глагол-модификатор, поскольку именно второй компонент привносит характеристику протекания действия, выраженного деепричастием. Вспомогательный глагол подбирается к первому компоненту по значению статики или динамики¹⁴⁸: в случае, если глагол в форме деепричастия указывает на динамику развития действия, то вспомогательный глагол подбирается по этому значению. Например, с глаголами динамики употребляется вспомогательный глагол *bar-* *идти*, а с глаголами статики глагол *qal-* *‘оставаться’*: *kün jemä tün jemä jelü bardimiz* (Тон 27) - *‘Мы мчались и днем, и ночью’*. Глагол *jel-* *‘мчаться’*, действие совершается динамично; *usün buntatu jurtda jatu qalur erti*

¹⁴⁷ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 128.

¹⁴⁸ Насилов Д. М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках. С. 161-162.

(Тон 19) - 'Мы обосновались в Усын Бунтату', глагол *jat-* 'лежать', глагол статики. Необходимое для выражения значение аналитической формы складывается только при сочетании компонентов, т.е. аналитические формы неразложимы¹⁴⁹.

Аналитические формы в древнеуйгурском языке не являются средствами указания на темпоральную локализованность действия с точки зрения дейксиса, как то реализуется временными формами, что затрагивает уже область грамматического значения. Значения аналитических форм тяготеют к области лексического значения глагола. Аналитические формы являются формальным выражением оязыковленных абстрактных образов свойств действий, существующих в сознании человека¹⁵⁰. Частично формы с акционсартовыми значениями (аналитические и перифрастические) могут выполнять функцию локализации действия в хронологическом плане: предшествование- одновременность- следование, т.е. представлять действие с позиций таксиса¹⁵¹.

Перифрастические формы также призваны передавать значения способов протекания действия. Под перифрастической формой понимается бивербальная конструкция, которая состоит из адъективной формы глагола, или причастия, и формы вспомогательного глагола, и является носителем акционсартового значения¹⁵². В древнеуйгурском языке в перифрастических формах в позиции вспомогательного глагола встречается только глагол *bol-* 'становиться', который является глаголом изменённого состояния. В перифрастической форме *bol-* указывает на то, что действие, выраженное причастием, является результатом перехода из одного состояния в другое. Грамматическое значение первого компонента перифрастической формы в сочетании со значением *bol-* формирует необходимую для выражения характеристику действия.

Первый компонент характеризует субъект действия, т.е. его признак, а второй компонент указывает на необходимое грамматическое значение. Грамматическое значение перифрастической формы формируется во многом за счет вспомогательного глагола, который может вносить темпоральную (таксисную) сему в значение формы. В случае, если второй компонент представлен финитной формой, то данную конструкцию можно

¹⁴⁹ Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Избранные труды / Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. С. 82-89; 94-104.

¹⁵⁰ См. по: Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. С. 34-35; Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 145-146.

¹⁵¹ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. С. 101.

¹⁵² Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 145-146.

рассматривать как особую форму с видо-временным значением (значения темпоральности (вспомогательный глагол в финитной форме)) и способов глагольного действия)¹⁵³.

В работах по грамматике современных тюркских языках, в частности, например, применительно к якутскому языку перифрастические формы было предложено относить к формам «семантической категории модальности», которым свойственно передавать в том числе и видовые оттенки¹⁵⁴. Перифрастическая форма *-mıŋ ol-*, выделяемая в современном турецком языке, функционирует, судя по частотности ее употребления, реализуя следующее значение: действие рассматривается, после того, как оно достигло предела(результатив!). Л. Йохансон относит рассматриваемую форму к видовым, а значение определяет как *постерминальность*¹⁵⁵.

Перифрастические формы в древних языках продуктивны, что касается современных тюркских языков, то они сохраняют свою продуктивность только в некоторых тюркских языках.

Посредством аналитических и перифрастических форм действие можно охарактеризовать, конкретизируя процесс его протекания во времени, т.е. указать на: длительность или, наоборот, кратность, законченность, где реализуются различные этапы завершенности по определенным фазам действия, а также охарактеризовать «пространственную или субъектно-объектную ориентацию действия»¹⁵⁶.

Примечательно, что в современных тюркских языках некоторые финитные формы представляют собой грамматикализованные аналитические формы, что, скорее всего, является результатом комбинации темпоральных, аспектуальных, модальных сем, необходимых для максимально точного описания процесса протекания действия. Например, форма изъявительного наклонения *-yor-* в турецком языке¹⁵⁷, является грамматикализацией аналитической формы *-a jorī-* и передает то, что действие совпадает с настоящим периодом ориентации, т.е. осуществляется в «данный момент». Форма простого прошедшего времени *-n тыр* в тувинском языке, наряду с указанием на локализованность действия на определенной стадии внутренней динамики процесса, характеризуется

¹⁵³ Шамина Л. А. Перифрастические формы тувинского глагола // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. –Новосибирск, 2003. С. 167-169.

¹⁵⁴ Попова Н.И. Перифрастическая форма *-ар/-бат буол-* в якутском языке: аспектуальная семантика//Вестник СВФУ, № 2 (5) 2012. С.89.

¹⁵⁵ Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке//Советская тюркология.Вып.3. –Баку, 1975. С. 74-77.

¹⁵⁶Насилов Д. М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках. С. 163.

¹⁵⁷ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.184-185.

внезапностью совершения действия, что является одним из значений способов глагольного действия¹⁵⁸.

В древнеуйгурском языке среди аналитических и перифрастических форм, выражающих разного рода акционсартовые значения, встречаются и те, которые способны передавать видовые значения. Подобные формы, наряду с акционсартовыми, рассматриваются во II главе настоящей работы.

¹⁵⁸ Шамина Л. А. Перифрастические формы тувинского глагола . С. 171-172.

ГЛАВА II: Разбор обнаруженных в памятнике примеров средств выражения видовых значений

1. Аналитические формы: модель: « CVB + AUX»

1.1. Форма -a+ AUX

В разделе представлены примеры аналитических форм, где основное лексическое значение формы несет глагол в форме деепричастия -a.

1.1.1. Форма -a *bar-*

- *men kuintso bardim <...> jemä inčip jana tolu tükel töz taqī ekšük istäjü barip bosyun[γali] (Hüen 12 аб, 19-1)*

men kuintso bar - dīm jemä inčip jana

я Сюань-цзан отправляться - 1 SG PST теперь так вновь

tolu tükel töz taqī ekšük istä - jü_bar-īp

полный совершенный основа POST недостаток спрашивать - AART - CVB

bosyun - [γali]

удостовериться - CVB

Я, Сюань-цзан, отправился, <...> чтобы разузнать о том, не достаёт [ли здесь] совершенной и полной основы [учения] и удостоверить [в этом] ...

- *qalīn jangalar uduz qaqlīyīn kirtūligin iltū bardilar (Hüen , V26, 13-15)*

qalīn janga - lar [uduzqaq -līy - īn kirtū] - lig - in

стадо слон -PL проводник - ADJ - INS

ilt - ü__bar - dī -lar

нести - AART - 3 PL PST

стадо слонов повезло [его] известным только им путем (?)

На основе приведенных случаях употребления можно предположить, что аналитическая форма -a *bar-* способна указывать на нарастание действия и его

приближение к пределу¹⁵⁹. Значение вспомогательного глагола *bar-* ‘идти’ подразумевает стремление действия к пределу, т.е. к своему завершению. Фактический материал дает основания предполагать, что форма *-a bar-* содержит видовое значение прогрессива.

1.1.2. Форма *-a jarliqa-*

- *burxan qutin bulu jarliqap ... (Hüen 36, 6-7)*

burxan qut-ï-n

bul - u_jarliqa - p

Будда благодать - 3 POSS - ACC обрeтать- AART - CVB

Он соизволил обрести благодать Будды ...

- *nirvanqa kirü jarliqadi* (Hüen 36, 9-10)

nirvana-qa

kir-ü jarlıqa-dī

нирвана- DATLOC погружаться - AART - 3 SG PST

Он соизволил погрузиться в нирвану.

- *teñri burqan körki <...> ol jañi itmiş sañramta erdinilig örgün üzä jaltriju jaşuju oluru ornanu jarliqadi (Hüen 11a, 10-14)*

teñri_burqan körk -i

ol jaŋi it - miš

saṇram - ta

Будда

тень - 3 SG POSS этот новый делать- SAF монастырь - LOCABL

монастырь - LOCABL

erdinilig örgün üzä (jaltri - ju jašu - ju olur - u ornan - u)_jarliqa - di

наделенный трон POST (сиять сверкать разместиться воссесть) - AART - 3 SG PST
драгоценностью

Воплощение Будды <...> соизволило явиться и разместиться на священном троне во вновь построенном монастыре.

- ...jana tiliksiz küşüşsüz bulu jarlıqajurlar (Hüen 12a, 18-19)

jana tiliksiz

küşüşsüz

bul-u_jarlıq-a-jur-lar

снова без прихотей без желаний обретаТЬ -AART - 3 PL PRS

Снова [они] без прихотей и без желаний соизволяют обрести [это]...

Исходя из приведенных примеров можно сделать вывод, что аналитическая форма - *a jarliqa*- употребляется для того чтобы указать на направление совершения действия от одного субъекта действия к другому. Однако затрагиваются не пространственные

¹⁵⁹ См. по: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 198.; Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. С. 79

характеристики действия и объектов, а характеристики субъектов действия, под чем понимается совершение действия по направлению от вышестоящего лица к нижестоящему лицу. Вспомогательный глагол в *jarliqa-* ‘соизволить’ сочетании с глаголом в деепричастной форме акцентирует внимание на направленности действия и социальном статусе субъекта действия.

1.1.3. Форма *-a jorï-*

- *amtï barča kiñürü jorijur (Hüen 16, 12)*

amtï barča kiñ - ür - ü_jorï - jur

теперь распространяться - CAUS - AART - 3 SG PRS

Теперь все они (книги – КА) [постоянно] распространяются.

- *... tapïnu udunu jorïyalï jarliŷča qïlu teginğäli tip tidi (Hüen 106, 3)*

(tapïn - u udun - u)_jorï - ɣali jarliŷča

поклоняться - придерживаться - AART - CVB позволение- EQT

qïl - u_tegin - gäli tip tidi

осмелиться - AART - CVB QUOT

[Он] сказал: «Для того чтобы поклоняться и придерживаться [учения], [а также] осмелиться совершить [деяние] с позволения ...»

Аналитическая форма *-a jorï-* указывает на постепенность и длительность совершения действия, что характерно для прогрессива. В значении вспомогательного глагола *jorï-* ‘идти’ заключена протяженность действия *jorï-* во времени, и вспомогательный глагол подобран к первому компоненту аналитической формы отчасти по лексическому значению, только для извлечения смысла длительности совершения действия. Представляется возможным отнести форму *-a jorï-* к носителям видовых значений в древнеуйгурском языке.

1.1.4. Форма *-a ked-*

- *qutluy jir orunqa jükünü körüncläjü kedip tezdi jaşdı (Hüen V 11, 5-7)*

qutluy [jir orun]-qa jükün - ü körünclä-jü_kedip

наделенный счастьем край - DATLOC поклониться лицеизреть - AART - CVB

[tez-di jaš]-dī

сбежать - 3 SG PST

Посетив и поклонившись святым местам, он сбежал

Аналитическая форма *-a ked-* передает значение полного завершения, достижения действием предела. Благодаря вспомогательному глаголу *ked-* 'уходить', акцент приходится на финальной стадии совершения действия, поэтому в форме *-a ked-* можно выделить значения комплетива.

1.1.5. Форма *-a kel-*

- *basa jana ot suv jidārū kelip...olurdīlar (Hüen 5a, 18-19)*

basa jana ot suv jidār - ü_kel-ip

снова вновь трава вода хватать («быть в достаточном количестве») -AART- CVB

olur - dī - lar

обосноваться - 3 PL PST

Они обосновались [там], так как травы и воды [было] достаточно ...

- *burḡan körki kök qalīṅ jolīnča qalīju uča_kelip ...ornanu jarlīqadī (Hüen 11a, 10-11)*

burḡan körk - i kök qalīṅ jolīnča (qalī - ju uč - a)_kel - ip

Будда образ - 3 SG POSS небосвод - ACC взлетать - летать - AART - CVB

ornan-u_jarlīqa - dī

разместиться - AART - 3 SG PST

Воплощение Будды промелькнуло по небосводу и соизволило воссесть ...

- *samtso ačari janturu kelip udunqa tegdī (Hüen 11b, 18-20)*

samtso ačari jan - tur- u_kel - ip udun- qa

трипитака наставник возвращать - CAUS - AART - CVB Удун- DATLOC

teg- dī

доходить- 3 SG PST

Наставник в Трипитаке (Сюань-цзан – КА) вернулся и добрался до [города] Удуна.

Аналитическая форма *-a kel-* характеризуется оттенком внезапности совершения действия, что возможно объясняется лексическим значением вспомогательного глагола *kel-* 'приходить', в котором «указывается направленность действия в сторону говорящего и

некая результативность действия»¹⁶⁰. Форма *-a kel-* может передавать значение результата.

1.1.6. Форма *-a tegin-*

- *bu iki uluγ jajlıqlar bu qamaγ tirin quvray (olur)γinča ikigü barča bütä teginmiş erdi (Hüen V 14, 10-11)*

bu iki uluγ jajlıq - lar bu qamaγ tirin quvray (olur) - γinča

этот два большой павильон - PL этот весь великий собрание разместиться - CVB

ikigü barča büt - ä__tegin - miš__erdi

оба все совершаться - AART - 3 PRF PST

Пока не разместилось это великое собрание, два больших павильона были достроены полностью (букв. оба они были удостоены окончательной постройки).

Аналитическая форма *-a tegin-*, значение которой сигнализирует о том, субъект действия выражает по отношению к себе уничижение¹⁶¹. Иными словами, субъект действия обращается к другим участникам с позиции уважения и вежливости. В памятниках встречаются примеры, которые дают возможность истолковывать данную форму следующим образом: *удостаиваться что-либо делать, оказывать любезность в совершении чего-либо*.

1.1.7. Форма *-a tur-*

- *ongtīn jīngaq tapīγ uduγ qīlu turdī (Hüen V 15, 1-2)*

ongtīn jīngaq [tapīγ uduγ] qīl - u__tur - dī

правая сторона поклонение совершать - AART - 3SG PST

он продолжал совершать поклонение по правую сторону(?)

Аналитическая форма *-a tur-* указывает на то, что действие достигло своего предела, т.е. представлено на финальной стадии осуществления. Завершенность, законченность действия, содержащиеся в значении формы *-a tur-*, позволяет выделить ее как средство выражения значения результата.

¹⁶⁰ См. по: Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 199; Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. С. 77-79.

¹⁶¹ Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. –СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С.81.

1.1.8. Форма **-a tut-**

- *javlaqin tarqaru imrärigme yalanguquy igidü ačinu tutmışqa ötrü irta tayşurup irlayurlar (Hüen V 7, 18-20)*

javlaqin	tarqar -u	imrärigme	yalanguquy
зло-3 POSS - ACC	рассеивать-CVB	окружающий	живое существо - ACC
[igid-ü ačın]-u__tut - miş - qa		ötrü irta	tayşur -up

оказывать милость - AART - SAF-DATLOC после стихи декламировать- CVB
irla-yur-lar

напевать - 3 PL PRS

Для того, чтобы [продолжать] оказывать милость людям и рассеивать [совершенное ими] зло, напевают песни и декламируют стихи

Аналитическую форму **-a tut-** можно отнести к одному из средств выражения прогрессива, поскольку действие представлено на срединной стадии своего осуществления. Форма **-a tut-** указывает на длительность совершения действия.

1.1.9. Форма **-a tükä- ~ -a tükät-**

- *bu savıy sözläjü tükädip ... (Hüen V9, 4-5)*

bu sav - ıy sözlä-jü__tükäd-ip

этот речь-ACC сказать-AART-CVB

высказав [до конца] эти слова...

- *tapıy uduy qılu tükätmište kin ötrü ilig beg inča tip tidi... (Hüen V9, 23-25)*

[tapıy uduy] qıl-u__tükät - miş - te [kin ötrü] ilig beg

поклонение совершать - AART - SAF - LOCABL затем великий правитель

inča tip tidi

так QUOT

после того как [торжество] завершилось, великий правитель молвил следующее...

- *tojın ol qamtsi alu tükädükte... (Hüen V27, 11)*

tojın ol qamtsi al - u__tükä - dük - te

монах этот ларец брать -AART - CVB

когда монах взял в руки этот ларец

- *javlaqlariy arıtu tükädükte ötrü (Hüen V25, 18-19)*

javlaq - lar - ıy arıt - u__tükä - dük - te__ötrü

дурное- PL- ACC очищать - AART - CVB

После того как [он] искоренил дурное...

Аналитическую форму **-a tükä-** ~ **-a tüküt-** можно рассматривать как форму со значением полной завершенности действия и результативности. Значение вспомогательного глагола *tükä-* ~ *tüküt-* ‘заканчивать’ выводит на первый план смысл законченности действия, выраженного в первом компоненте формы. Форму **-a tükä-** ~ **-a tüküt-** можно отнести к средствам выражения результата.

1.1.10. Форма **-a uma-**

- *sizlerni sözläşü__umaγaj tip ... (Hüen V 11, 8-9)*

siz - ler - ni sözläş - ü__u - ma - γaj tip

вы - PL-ACC переговариваться - AART - NEG - 3 FUT QUOT

... [он] не сможет обсудить с вами (?) - сказал ...

- *samtso açarı kördi ol qamaγ iliglerniñ qanlarniñ köñülin taγunı üzä ilinip şäşilü umadiqin ötrü emgäklig savın inča tip tidi (Hüen V 37, 13-17)*

samtso açarı kör - di ol qamaγ ilig - ler - niñ

Трипитака наставник видеть-3 SG PST этот все правитель - PL - GEN

qan - lar - niñ köñül - i - n

хан - PL - GEN душа - 3 POSS - ACC

taγun - ı üzä ilin - ip şäşil - ü__u - ma - dıq - ı - n

лесть- 3 POSS посредством попадаться - CVB быть развязанным-AART -
NEG-SAF - 3 POSS - ACC

ötrü emgäklig sav - ın inča tip_tidi

затем мучительный речь - INS так QUOT

Наставник в Трипитаке увидел, что он связан лестью душ всех этих правителей и ханов и не может освободиться

Форма **-a uma-** можно отнести к аналитическим формам, поскольку глагол *и-* ‘мочь’ и отрицательный статус *ума-* привносит дополнительную семантику возможности или невозможности совершения действия.

В современном турецком языке аналогичная форма выделена как форма статуса невозможности, входящую в категории статуса¹⁶².

1.2. Форма по **-p/pan + AUX**

1.2.1. Форма - *p bar-*

- *jemä bu bitiklär kelgincä udun xanta titilip baryalı bolmajıqqa ötrü bu tıltay tavıaç xanqa bitig qılıp ...* (Hüen, 116, 11-14)

jemä bu bitik - lăr kel - gincä udun xan - qa

снова этот книга 3PL приходит - CVB Удун правитель - DATLOC

tıt - il- ip_bar - ıalı bol - ma- juq - qa

задерживать - PASS - AART - CVB становится - NEG - PTCP - DATLOC

... и пока те книги не прибыли, он не сделал [ничего] для того, чтобы задержаться у правителя Удуна, затем описал эту причину в письме правителю табгачей ...

- *samtso ačarı alıalı unamadın bardı* (Hüen 15a, 23-24)

samtso ačarı al-ıalı una - madın_bar-dı

Трипитака наставник брать-CVB соглашаться-AART - 3 SG PST

Наставник в Трипитаке (Сюань - цзан - КА) не согласился принять...

- *adaqın buımaq üzä jükünüp tapınır bardılar* (Hüen V27, 14-16)

adaq - in buı-maq üzä [jükün-üp tapın]-ip_bar-dı-lar

нога сгибать - SF с помощью поклоняться - AART - 3 PL PST

они поклонились и помолились приклонив колени

Аналитическая форма - *p bar-* указывает на интенсивность начала совершения действия и близость к быстрому завершению действия. Вспомогательный глагол *bar-* 'идти, отправляться' является глаголом движения, на основе чего можно предположить, что главной смысловой характеристикой данной аналитической формы выступает процессуальность, однако в памятниках наблюдаются случаи употребления глагола *bar-* в аналитических формах в сочетании с глаголами, у которых ярко выражена процессуальность в их лексическом значении. К тому же, в лексическом значении глагола в деепричастной форме чаще всего заключен переход из одного состояния в другое,

¹⁶² См. по: Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 143.

поэтому вспомогательный глагол подбирается по значению так, чтобы акцент производился на процессуальности перехода действия из одного состояния в другое¹⁶³.

Форма - *p bar-* во многих тюркских языках передает основное значение «приближения действия к конечному этапу»¹⁶⁴. Более того, при описании значения данной формы обнаруживают и указание на то, что действие направлено от говорящего¹⁶⁵. Если согласиться с наличием предельности в значении формы и со стремительным началом действия, то срединная стадия его протекания практически сводится ее к нулю. Исходя из этого можно говорить о том, что данная форма способна передавать значение пунктива. Однако примеры из древнетюркских памятников свидетельствуют о том, что аналитическая форма - *p bar-* указывает скорее всего только на интенсивность, интенсивное начало действия. Стремление действия к пределу может объясняться периодом ориентации, в котором оно совершается, т.е. оттенок «предельности» связан скорее с формами категории времени.

1.2.2. Форма -*p ilt-*

- *daqı erdinig ton kädimde ulatılarılarıjulup alıp iltü ilig begkä ančulatılar (Hüen V36, 13-15)*

daqı erdini-g [ton kädim] - de_ulatılarıy

а также сокровище - ACC одеяние - LOCABL и тому подобное

[jul - up al] - ĩp_ilt- ü ilig beg-kä ančula - tĩ - lar

отбирать - AART - CVB великий правитель - DATLOC преподносить - 3 PL PST

... также они, забирая [на совсем] сокровища, одеяния и тому подобное, преподнесли правителю.

- *ögdi tayšut sözläjü uduzup iltip bir tayšin açarilar olurur uluy saŋramta tüšürdilär (Hüen V47, 11-13)*

ögdi tayšut sözlä-jü uduz - up_ilt-ip

хвала стих произносить - CVB провожать - AART - CVB

bir tajšin açari - lar olur - ur

некий Махаяна наставники -3 PL жить- SAF

uluy saŋram - ta tüšür - di - lär

большой монастырь -LOCABL размещать- 3 PL PST

¹⁶³ См. по: Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. С.75.; Дубровина М.Э. Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников. С. 152-153.

¹⁶⁴ См. по: Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. С. 75-77.; Erdal M. A grammar of old Turkic. P. 254.

¹⁶⁵ См. по: Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской рунической письменности. С. 117.

Они, произнося славословия и приветствия, сопровождали его и поселили в некоем большом монастыре, где обитают наставники в Махаяне.

Приведенный фактический материал дает основание полагать, что аналитическая форма *-p ilt-* указывает на то, что действие направлено от исходной точки, а также на то, что действие достигло своего предела. Значение формы может быть истолковано одновременно как комплетив, и как результатив.

1.2.3. Форма *-p olur-*

- *öñdün sīmīy tutup olurdılar (Hüen 56, 3)*

öñdün sīm - iγ tut - up_olur - dī - lar

на востоке предел владеть - AART - 3 PL PST

Они завладели пределом на востоке.

- *tavγačnīy kidin učī öñdün sīmīy tutup olurdılar (Hüen V66, 2-4)*

tavγač - nīy kidin uč - i öñdün sīm - iγ tut - up_olur - dī - lar

табгач -GEN запад край - 3POSS восток граница - ACC обосноваться - AART -
3 PL PST

Они обосновались к востоку от западной границы государства табгачей

При анализе приведенных примеров напрашивается вывод о том, что аналитическая форма *-p olur-*, указывая на долготу действия¹⁶⁶, выраженного основой смыслового глагола, может быть отнесена к средствам выражения прогрессива. .

1.2.4. Форма *-p qal-*

- *...etözin örtäp qalmiš (Hüen 36, 16-17)*

etöz - i - n örtä - p_qal - mīš

тело - 3 SG POSS- ACC жечь - AART - 3 SG PRF

...[он] обжег свое тело

¹⁶⁶ См. по: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 198.; Дубровина М.Э. Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников. С. 153-154.

Аналитическая форма *-p qal-* сообщает о переходе предмета, совершающего действие в определенное состояние и пребывание в нем¹⁶⁷, о чем свидетельствует значение вспомогательного глагола *qal-* 'оставаться'. Форма *-p qal-* характеризуют именно срединную стадию развития действия, что позволяет выделить в ее как носитель значения прогрессива.

1.2.5. Форма *-p tur-*

- *sekiz jigirmi iliglär öz öz qurlarınča keziklärinče tizilip turdılar (Hüen V 33,4-7)*
 sekiz jigirmi ilig - lär öz öz [qur - lar - ĩ - n - ča kezik] - lär - ĩ-n-če
 восемнадцать правитель - PL свой очередность- PL - 3 POSS - DISTR - EQT
 tiz - il - ip__tur - dī - lar
 выстраивать - PASS - AART - 3 PL PST

Восемнадцать правителей выстроились в соответствии с их чинами и должностями.
 Функция аналитической формы *-p tur-*, судя по найденным примерам, аналогична функции *-a tur-*, рассмотренной в разделе 1.1.7. Форма *-p tur-* характеризует действие как завершенное, с очевидным результатом действия, что дает основания рассматривать данную форму как средство выражения результата.

2. Перифрастические формы: модель «PTCP/SAF + AUX»

2.1. Форма *-mīš + bol-*

- *öz jiriñä jaγumīš boltı (Hüen 15a)*
 öz jir - ĩ - n - gä jaγu - mīš__bol - tī
 священный место - 3 SG POSS-DISTR-DATLOC приближаться - AART-3 SG PST
[Он] приблизился к священному месту.
- *muntay tesär nečük ol šašmīš bolmaz mu (Hüen VIII Vatec)*
 muntay te - sār nečük ol šaš - mīš__bol - maz mu
 такое говорить - 3 SG CVB почему этот ошибаться - AART- NEG-3 SG PRS PART
когда он такое молвил, разве он не может совершить ошибку?

¹⁶⁷ См. по: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 199.; Кондратьев В. Г. Аналитические глагольные формы в современном нормативном турецком языке и иноязычное влияние// Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2., 1999, Вып. 3.С. 109.

- *oṇaru evrilmiš boltılar (BT13.01.08)*

oṇaru evril - miš_bol - tī - lar

направо поворачивать - AART - 3PL PST

Они повернули направо.

Первым компонентом модели выступает причастие *-mīš*, под которым понимается субстантивно - адъективная глагольная форма со значением предшествования действия основному действию¹⁶⁸. Вторым компонентом выступает глагол *bol-* 'становиться', который является глаголом изменённого состояния. В перифрастической форме выступает в качестве вспомогательного глагола, указывая на то, что действие, выраженное причастием, является результатом перехода из одного состояния в другое. Подобную форму можно причислить к средствам выражения результата.

2.2. Форма *-täči bol-*

- *tänäšisiz üstünki yeg burqanlar edgüsiṇä tegdäči bolurlar (Suv.B01.17)*

tänäšisiz üstünki yeg burqan - lar edgü - si - n - ga

не наделенный правителем верховный будда - 3 PL хороший - 3 SG POSS - DISTR -
DATLOC

teg - däči_bol - ur - lar

достигать - AART - 3 PL PRS

Они способны достигать блага верховных будд, над которыми никто не стоит...

- *bodituvācāniṇ alqunī biltäči bolγuluk küsüšüm qanıp ... (BT13.46.05)*

Bodituvāča¹⁶⁹ - niṇ alqun - ī bil - täči_bol - γuluk nomlug

Бодхи Дхвая- GEN всё - 3 SG POSS знать - AART - SAF наполненный

küsüş - ūm qan - ıp

желание - 1 SG POSS укрепиться - CVB

Моё желание укрепилось в отношении учения, о котором всё Бодхи Дхвая способен знать...

¹⁶⁸ Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке. С. 195.

¹⁶⁹ *Имя собственное - КА*

- *igiddäçi köñülin ilişlig tutuşluy bolzunlar jaruk edgüleri üzä uçtaçı ertdäçi bolzunlar (Hüen VII Vatec)*

igid - däçi köñül - in [ilişlig tutuşluy] bol - zun - lar

поддерживать - PTCP душа - INS сплоченный становится - 3PL IMP

jaruk edgü -ler-i üzä [uç - taçı ert] - däçi_bol - zun - lar

благодой добро - PL-3 POSS посредством избежать - AART - 3PL IMP

им следует объединиться и сплотиться посредством души, которая способна поддерживать, и им следует миновать это благодаря его благим делам.

Перифрастическая форма *-taçı bol-* указывает на начало совершения действия, тем самым, реализует значение ингрессива, одновременно с этим и на наличие у субъекта действия способности к совершению действия.

2.3.Форма *-maz bol-*

- *ikigü birlä (arısar süzülsär) ötrü öñi (adırmaz üdürmüz) b(ä)lgü tutmaz bolur (Suv.B18.02)*

ikigü birlä arı - sar süzül - sār ötrü öñi adır - maz üdür - mäs

оба вместе чистить[ся]_очищать[ся]- CVB затем иначе разделять - выбирать - SAF

b(ä)lgü tut - maz_bol -ur

признак держать - AART - 3 SG PRS

Если [они]оба вместе очистятся от грехов, то тогда они перестанут по-разному разделять, выбирать и выделять...

Из приведенного примера видно, что совершение действия, передаваемое исходной основой лексически значимого глагола, прекращается. Данное наблюдение может быть подтверждено также и следующим примером:

- *körünmäs bolti (Suv 16)* ¹⁷⁰

kör - ün - mäs_bol - ti

видеть - REFL - AART - 3 SF PST

[Он] перестал виднеться.

¹⁷⁰ Пример взят из: Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности. С. 106.

Перифрастическая форма *-maz bol-* и сигнализирует о полном прекращении совершения действия¹⁷¹.

¹⁷¹ См. по: Кондратьев В. Г. Указ. соч. С. 106.; Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 147-148.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой работе была предпринята попытка рассмотреть и проанализировать словоизменительные глагольные формы со значением способов протекания действия. По произведенным наблюдениям, значения способов глагольного действия в древнеуйгурском языке передаются с помощью морфологических средств: аналитическими и перифрастическими формами, которые строятся по модели: «нефинитная глагольно-именная форма + вспомогательный глагол». При рассмотрении средств выражения способов глагольного действия в древнеуйгурском языке было установлено, что формы, в значении которых действие представлено с точки зрения структуры внутренней динамики процесса, можно рассматривать в качестве носителей видовых значений. В ходе проведенного анализа стало возможным выделить такие формы способов глагольного действия, в значении которых содержится указание на конкретные типы отношений действия к пределу. Однако на данном этапе развития древнеуйгурского языка можно говорить о том, что регулярные морфологические средства, передающие только видовые значения, еще отсутствуют.

В древнеуйгурском языке среди обнаруженных форм со значением способов глагольного действия, таких как: интенсивность, нарастание, мгновенность, длительность, завершенность, результативность, различные гоноративные значения и пр., можно выделить несколько форм, в значении которых содержится указание на видовые отношения. К носителям видовых значений предлагается отнести следующие формы и объединить их в группы по конкретному типу видовых значений:

- Формы с видовым значением ингрессива: *-p bar-*, *-tačï bol-*
- Формы с видовым значением прогрессива: *-a bar-*, *-a jorï-*, *-a tut-*, *-p olur-*, *-p qal-*
- Формы с видовым значением комплетива: *-a ked-*, *-p ilt-*
- Формы с видовым значением результатива: *-a kel-*, *-a tur-*, *-a tükä ~ -a tükät-*, *-p tur-*

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в древнеуйгурском языке аналитические и перифрастические формы, функционирующие как регулярные морфологические средства выражения самых разных характеристик протекания действия, являются средствами выражения видовых значений. Случаи употребления вышеописанных форм древнеуйгурского языка свидетельствуют о том, что их значение не является ТОЛЬКО видовым, поэтому они рассматриваются в сфере способов глагольного действия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1	first person	1 лицо
2	second person	2 лицо
3	third person	3 лицо
SG	singular	единственное число
PL	plural	множественное число
ABL	ablative	исходный падеж
ACC	accusative	винительный падеж
GEN	genitive	родительный падеж
INS	instrumental	инструментальный падеж
LOCABL	locative ablative	местно- исходный падеж
DATLOC	dative locative	дательно-местный падеж
DATDIR	dative directive	дательно- направительный падеж
EQT	equative	экватив
POSS	possessive	категория принадлежности
SREP	secondary representation	показатель вторичной репрезентации
PRON	pronoun	местоимение
ADJ	adjective	прилагательное
ADV	adverb	наречие
CVB	converb	деепричастие, обстоятельственная форма
PTCP	participle	причастие
SAF	substantive-adjective form	субстантивно-адъективная форма
SF	substantive form	субстантивная форма
NEG	negation	отрицательный статус
PART	particle	частица

(PART.AFF affirmative particle – утвердительная частица)

(PART. EXCL exclamatory particle – восклицательная частица)

(PART. INTN intensifying particle - усилительная частица)

POST postposition послелог

CONJ conjunction союз

DISTR distributive разделительный согласный

CAUS causative понудительный залог

PASS passive страдательный залог

REFL reflexive возвратный залог

RECP reciprocal взаимный залог

AUX auxiliary вспомогательный глагол

IMP imperative повелительное наклонение

OPT optative желательное наклонение

PST past форма прошедшего времени с показателем -di

PRF perfect форма прошедшего времени с показателем -miš

PRF PST perfect in the past форма перфекта в прошлом

IPRF imperfect indefinite имперфект

PRS present форма настоящего-будущего времени

PRS. PTN present potential форма настоящего-будущего потенциального времени с показателем -tači

FUT future форма будущего времени

MOD modality модальность

PRED predicative expression предикатив

AART actionsart аналитическая(или перифрастическая) форма

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

BT 13.01. - Berliner Texte 13.01 (взято с сайта Vatec2 URL: http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/vatecasp/Berliner_Texte_13.01.htm)

Chuast - Покаянная молитва манихеев - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования –М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

Hüen - Уйгурская версия биографии Сюань-цзана - Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана(фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). –М.: Наука, 1991. - 591 с.; Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана - Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. –М.:Наука, 1980. –173 с.

Suv - сутра «Золотой блеск» - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования –М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

Uig I - Поклонение волхвов - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования –М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агрелль С. О способах действия польского глагола// Вопросы глагольного вида. – М., 1962. С. 35-39.
2. Бодуэн де Куртенэ А.И. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова // Избранные труды по общему языкознанию. Т.II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 175-187(391 с.)
3. Бодуэн де Куртенэ А.И. Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков// Избранные труды по общему языкознанию. Т.I. –М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 118-126(384 с.).
4. Бондарко А. В., Казаковская В.В. Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. –М.: Языки славянской культуры, 2013. –512 с.
5. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. –Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
6. Бондарко. А. В. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. – 348 с.
7. Воронкова. А. А. К современным теориям аспектуальности. (Обзор)//Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6:Языкознание. Реферативный журнал, 2007. С. 106-135.
8. Габен фон. А. Культура письма и печатания у древних тюрков//Зарубежная тюркология. Вып.1. –М.: Наука, 1986. С.159-190(384 с.).
9. Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема»//Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В.Б. Касевича: Сборник статей/ под ред. Л. А. Вербицкой и др. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011.С. 29-34.
10. Гузев В. Г. О разграничении понятий «финитная форма» и «личная форма»/ /Востоковедение/ Отв. ред. Гузев В. Г., О. Б. Фролова. – СПб, 1993. Вып. 18. С. 86-91.
11. Гузев В. Г. Словоизменение существительных в турецком языке// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 92-114.
12. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка/ под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун - та, 2015. - 320 с.
13. Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков// Acta linguistica Petropolitana. труды ИЛИ РАН. - т. 3. - Ч. 1. –СПб., 2007. С. 109-117.
14. Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб: Изд-во С. Петербургского гос. ун-та, 2006. – 219 с.

15. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.
16. Дубровина М. Э. Категория залога языка древнетюркских рунических памятников// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 159- 178.
17. Дубровина М.Э Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 141 -158.
18. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях//Избранные труды/Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. С. 5-57.
19. Жуковская Н.Л., Корнев В.И. Буддизм. Словарь. – М.: Республика, 1992. –288 с.
20. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. -Ч.2. –Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. –86 с.
21. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. –309 с.
22. Кашлева К. К. К проблеме становления прогрессивных конструкций в немецком языке// Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С.83-92.
23. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – 594 с.
24. Кляшторный С.Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийский степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. –368 с.
25. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. – 182 с.
26. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. –М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 314 с.
27. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников(VII-IX вв.). – Л.: Изд-во Наука, 1980. – 245 с.
28. Кочеткова Т.И. Лексическая таксономия сложносоставных имен существительных//Вестник ОГПУ. № 2, 2009. С. 38-45.
29. Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке//Советская тюркология.Вып.3. –Баку, 1975. С. 68-81.
30. Ленков П. Д. Философия сознания в Китае: буддийская школа фасян (вэйши). –СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. –257 с.
31. Леонтьева Е. Путеводитель по буддизму. Иллюстрированная энциклопедия.- Litres, 2017. –258.

32. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс//Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. ст. –М., 1973. С.16-22.
33. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования –М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
34. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание /Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян; Вступит, ст. А. В. Бондарко, Н. А. Козинцевой, Т. А. Май- сака, В. А. Плунгяна. –М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
35. Мельников Г.П. Системный подход в лингвистике. // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1973. С. 183–204.
36. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии// Системные исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1973. С. 184–189.
37. Насилов В.М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках//Тюркологические исследования. – М.:Наука, 1976. С. 158-176.
38. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М.:Изд-во восточной литературы, 1960. – 87 с.
39. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. М.: Наука, 1989. – 208 с.
40. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]
<https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHc978bd58b7cd4bf658b2c9> (дата обращения: 16.07.2017.)
41. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. –М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
42. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. –М.: РГГУ, 2011. – 672 с.
43. Попова Н.И. Перифрастическая форма -ар/-бат буол- в якутском языке: аспектуальная семантика//Вестник СВФУ, № 2 (5) 2012. С. 86-.89.
44. Прохоров С.А., Сучкова А.С., Куликовских И.М. Кластеризация диагностических текстов при изучении предлогов английского языка в соответствии с таксономией Блума// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17. № 2(5), 2015. С. 1097-1103.

45. Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Синтаксис/по.ред. Н. К. Дмитриева. – М.: АН СССР, 1961. С. 5-19.
46. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
47. Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Сюань-цзан ; введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой ; Ин-т востоковедения РАН. – М. : Вост. лит., 2012. –463 с.
48. Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С.179 –230.
49. Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 27-38.
50. Телицин Н.Н. К истолкованию формы -sar в древнеуйгурском языке // Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M.Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М.Насилова. М., 2015. С. 234-238.
51. Телицин Н.Н. К истолкованию формы -sar в древнеуйгурском языке // Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M.Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М.Насилова. М., 2015. С. 234-238.
52. Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках // Вестн. СПбГУ 94. Сер.2. Вып. 1 (№2). СПб, 1994. С. 124-127
53. Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках // Вестн. СПбГУ 94. Сер.2. Вып. 1 (№2). СПб, 1994. С. 124-127.
54. Телицин Н.Н. Определение значения зависимого таксиса в древнеуйгурском языке (на материале конструкций с деепричастиями)//Актуальные вопросы тюркологических исследований. Сборник статей к 75-летию В.Г. Гузева. – СПб.:Издательство РХГА, 2014. С. 293 -300.
55. Телицин Н.Н. Определение значения зависимого таксиса в древнеуйгурском языке (на материале конструкций с деепричастиями)//Актуальные вопросы тюркологических исследований . Сборник статей к 75-летию В.Г. Гузева..- СПб.:Издательство РХГА, 2014. С. 293 -300.
56. Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 83 -90.
57. Телицин Н.Н. Язык древнетюркских памятников рунического письма (VII-IX вв.). – СПб, 2001.

58. Типология таксисных конструкций/Отв. ред. В. С. Храковский. –М.:Знак, 2009. С.750-803.
59. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. –М., 1987. –560 с.
60. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. –М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 352 с.
61. Тугушева Л. Ю Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. –СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 30 с.
62. Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. –М.:Наука, 1980. –173 с.
63. Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. –СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.С. 80-91.
64. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана(фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). –М.: Наука, 1991. –591 с.
65. Хенниг Р. Неведомые земли/-пер.с нем.яз.:Е.К. Краснокутская, А.Д. Райхштейн. II том. -М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. –520 с.
66. Шамина Л. А. Перифрастические формы тувинского глагола // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. –Новосибирск, 2003. С. 162 - 194.
67. Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии//Вопросы русской аспектологии//Известия Воронежского государственного педагогического института. Т.146. –Воронеж, 1975. –150 с.
68. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке//Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. Уч.-пед. Изд-во мин.просвещения РСФСР, 1957. – 187 с.
69. Щербак А. М. Формы неполной вербальности (деепричастия)//Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков(Глагол). – Л.:Наука, 1981. – 181 с.
70. Щербак А.М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования//Вопросы языкознания, 1983. № 3. С. 39-44(144 с.)
71. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. – 275.
72. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. С.95-113.